

В ТЕНИ ЭМИРА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

—↔ ШРАМЫ НА ПЕСКЕ 1 ↔—

18+

ИРЭН БЛАВАТСКАЯ

В тени эмира

Ирэн Блаватская

В тени эмира. Шрамы на песке 1

«Автор»

2026

Блаватская И.

В тени эмира. Шрамы на песке 1 / И. Блаватская — «Автор», 2026 — (В тени эмира)

Она стала его слабостью. Он — её самым опасным проклятием. Одна случайная встреча навсегда изменит её судьбу. Чужая страна. Жестокий Восток. Мир, где любовь принадлежит сильным, а женщины становятся разменной монетой в играх власти. Где страсть способна уничтожить, а за любовь платят кровью. Фалах — эмир Хафрака. Мужчина, которого боятся враги и боготворят женщины. Холодный. Властный. Опасный. Но однажды в его жизни появляется она — светловолосая чужестранка с глазами, в которых слишком много боли и слишком много огня. Но дворец эмира хранит слишком много тайн. Зависть гарема, дворцовые интриги, заговоры, покушения, ложь и предательство превращают ее жизнь в смертельно опасную игру. Здесь нельзя доверять никому. Даже мужчине, которого любишь больше собственной жизни. Но сможет ли любовь выжить там, где каждое чувство оставляет шрамы? «Шрамы на песке 1» — 1 книга из 2 в серии "Шрамы на песке" Роскошная восточная сага о любви, одержимости, боли и страсти, которая сильнее смерти.

© Блаватская И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Пролог	6
Глава 1	10
Глава 2	22
Глава 3	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

В тени эмира. Шрамы на песке 1

Глава

Шрамы на сердце заживают не от времени,
А от нежности рук, которые когда-то нанесли эти раны.

Пролог

Небо с раннего утра затянуло тяжелыми свинцовыми тучами, зависшими над морем черным непроницаемым полотном, не пропуская ни единого лучика солнца, щедро согревающего этот благословенный край круглый год... Мрачное и неприветливое — совсем непривычное для южных широт. Слегка накрапывал мелкий дождь. Прохладный северный ветер, дувший с моря, с силой бил беспокойные волны о берег, раскачивая десятки кораблей, стоящих на рейде в ожидании погрузки или разгрузки в грузовом порту Джидды, раскинувшемся на живописном берегу Красного моря.

Темная вода с шумом ударялась о борт небольшого грузового судна, пришвартованного на причале под британским флагом, готового с минуты на минуту к отплытию к родным берегам, накрывала капитанскую рубку и стекала по иллюминатору на палубу, оставляя на холодном стекле влажные соленые разводы.

Закрыв за собой дверь и наконец оставшись одна, девушка прошла глазами по спартанской обстановке каюты, которую ей щедро уступил помощник капитана, перебравшись на время обратного пути в каюту для моряков. Потухший взгляд равнодушно скользнул по небольшому рабочему столу со стопкой аккуратно сложенных папок в углу, по старой газете месячной давности, на первой полосе которой король Георг V поздравлял своих подданных с наступающим 1929 годом, по железной, гладко заправленной кровати, по афише на стене с изображением девиц кордебалета во фривольных позах и остановился на иллюминаторе напротив... И чувствуя, что задыхается, не обращая внимания на мерно покачивающийся пол под ногами, небрежно сбросила с плеча мешковатую холщовую сумку и медленно, как сомнамбула, держась рукой за стену, направилась к нему глотнуть свежего воздуха.

Следом полетел длинный в пол бедуинский плащ, полностью скрывавший ее хрупкую стройную фигуру, и осталась она в мужской, долгополой, свободной рубашке, подпоясанной кожаным ремнем, с традиционной арабской саблей на боку, и в мягких ботинках из дубленой овечьей шкуры — обуви воинов-всадников в пустыне, защищающей ноги от раскаленного песка и удобной для верховой езды.

Держась одной рукой за спинку кровати, чтобы сохранить равновесие, непослушными, дрожащими пальцами коснулась запотевшего стекла иллюминатора, осторожно провела по нему ладонью, ощущая под кожей приятную, освежающую прохладу. Характерный скрип стекла вывел девушку из состояния оцепенения, взгляд остановился на каплях дождя, напоминающих слезы, падающих на холодную поверхность и неторопливо стекающих куда-то вниз, оставляя за собой влажные следы... как будто сама природа грустила вместе с ней, оплакивая ее разбитое сердце и разрушенную до основания жизнь...

Спустя мгновения мысли опять захватили ее и, вырвав из реальности, унесли назад, в самые потаенные закоулки памяти... Тяжелое дыхание... застывший взгляд, устремленный далеко за горизонт... она не замечала ничего вокруг: ни всадников, странным образом оказавшихся на берегу, ни капитана, стоявшего на палубе и о чем-то негромко переговаривающегося со своим помощником, с беспокойством поглядывая на небо, ни спящих по палубе моряков, выполняющих последние приказания боцмана перед отплытием, ни шквалистого ветра, скорость которого увеличивалась с каждой секундой... ни приближающегося шторма... шторм, бушевавший в ее душе, был гораздо сильнее и разрушительней... он не прекращался ни на

миг, сметал, ломал и крушил все на своем пути, оставляя внутри лишь хаос, разруху и холодную зияющую пустоту.

Перед глазами рваными обрывками проносились события последних лет и больно, словно удары тупым ножом, бередили душевные, не заживающие раны... Мысли путались в голове, не желая сосредоточиться на настоящем, и снова уносили ее в прошлое... далеко... за сотни верст от этого шумного, беспокойного города, который никогда не спал... на восток... в самый центр Аравийского полуострова, в сердце бескрайней пустыни, где на много верст вокруг только безжизненные золотые пески, с мягким шелестом перекатывающиеся с бархана на бархан, безоблачное голубое небо и безмолвное южное солнце, нещадно палящее круглый год. В край суровых, немногословных мужчин — бесстрашных воинов... и знойных, роскошных женщин... в котором она познала любовь и предательство, слезы и радость, страсть и ненависть... где встретила свою самую главную в жизни любовь и где навсегда осталось ее трепетное, любящее сердце, в величественный и гордый Хафрак.

Память услужливо восстанавливала все самое прекрасное, что было в ее недолгой жизни, и то, что она так отчаянно и безнадежно пыталась забыть... От нахлынувших воспоминаний грустная улыбка едва заметно коснулась сухих губ, и кровь ударила в бледное лицо, заставив ее на мгновение смутиться и покраснеть...

Закрыв глаза и прижавшись лицом к холодному безжизненному стеклу, девушка попыталась остудить разгоряченную кожу, все еще находясь в плену воспоминаний, как вдруг, спустя секунды, пароход истошно загудел, выпуская из трубы густые черные клубы дыма, напоминая экипажу о скором отправлении и возвращая ее в реальность. Вздрогнув, девушка в отчаянии зажала уши руками, словно надеясь отгородиться от звуков, разрывающих её душу.

Время остановилось, наконец пришло запоздалое понимание того, что больше некуда спешить, ее уже ничего не ждет впереди, а все лучшее безвозвратно осталось в прошлом... Осознание неотвратимой потери словно железными тисками сдавило горло и как будто чем-то острым пронзило грудь, терзая и без того измученное сердце и причиняя невыносимую боль...

— Мгновения... — беззвучно шептали бледные губы. — Последние мгновения, и судьба навсегда разбросает нас по разным мирам...

Рука непроизвольно сжала спинку кровати до хруста в суставах, и она, как рыба, выброшенная на берег, хватая ртом прохладный воздух, попыталась отдышаться и привести себя в чувство... но сознание, чтобы хоть как-то притупить непрекращающуюся боль, из последних сил цеплялось за обрывки дорогих сердцу воспоминаний.

— Я так отчаянно пыталась бежать от тебя и твоего, как мне казалось, дикого и жестокого мира в свой, привычный и понятный с детства, и жить своей жизнью, которой я была лишена по стечению многих обстоятельств, щедро уготованных мне судьбой... но, одержимая ненавистью к тебе, была слепа, глуха и бесчувственна и упорно не замечала, что за твоей бесстрастной брутальной внешностью скрывалось горячее любящее сердце... отказывалась признавать, что с самого начала ты был единственным, кто любил меня по-настоящему, бескорыстно, ничего не требуя взамен, прощал все мои выходки, окружил заботой и любовью, как может только любящий мужчина, и терпеливо ждал... ждал и делал все для того, чтобы заставить мое упрямое сердце дрогнуть и раскрыться навстречу чувствам. А я, как птица в клетке, задыхалась и жаждала вырваться на свободу из плена твоей безумной, всепоглощающей любви... твоих

чувственных, жарких объятий... необузданной, сумасшедшей страсти, которые пугали меня, душили и лишали воли. Свобода — грустная улыбка едва коснулась губ. — Эта глупая, навязчивая идея заслонила собой все остальные мысли и желания, еще не понимая, что яд твоей любви капля за каплей уже проник в меня, течет по моим венам и неторопливо распространяется по всему телу... что я уже больна... больна тобой... и эта болезнь неизлечима...

Как же я мечтала вернуться в свой дом, на родную землю, но как же поздно я осознала, что мой дом только там, где ты, рядом с тобой, а другого мне не надо... и только с тобой я смогу быть по-настоящему счастлива, как, возможно, ни с кем и никогда уже не буду... но, к сожалению, мое счастье оказалось слишком скоротечным, и в твоей жизни, как и в моем сердце, не оказалось места для меня... Это был только твой дом, и он так и не стал нашим.

Возможно, я сама виновата в этом... как и в том, что потеряла все. Очевидно, что другая женщина, удачливее и счастливее меня, займет это место возле тебя, руку которой ты возьмешь в свою сильную руку, назовешь своей любимой... и поведешь по жизни вместе с собой... — опять что-то больно кольнуло в груди, как будто сердце чем-то острым пронзили насквозь. — А я... Я навсегда уберусь в свою сырую, дождливую Англию, войду в свой привычный мир, снова стану светской дамой из общества, буду одеваться по европейской моде... но как вылечиться от тебя? Как вытравить тебя из сердца? Как забыть твои руки, ласки, ночи, полные любви и страсти?

Как продолжать жить и делать вид, что ничего этого не было, тщательно скрывая за бесстрастной оболочкой свою неутраченную боль... И с горечью осознавать, что все самое лучшее, что могло произойти со мной, — уже произошло, что оно неразрывно связано с тобой и навсегда осталось в прошлом?

А может, просыпаясь промозглыми, холодными ночами в полном одиночестве, буду внушать себе, что ты всего лишь мой сон, мираж, что я придумала тебя — все было слишком хорошо, чтобы быть правдой... Опять это «слишком» — грустно пронеслось в голове. — С тобой всё «слишком»... Слишком мудр и безрассуден... Слишком холоден и горяч... Слишком любила и без остатка отдалась своим чувствам... Слишком любил, но твоя любовь оказалась как смерч — бесконечно яркой, страстной и разрушительной — и оставила во мне лишь вечную боль в груди и зияющую, страшную пустоту.

Природа разбушевалась не на шутку: огромные черные волны с жутким ревом бились о берег, накрывая собой все, что встречали на своем пути. Дождь усилился и иступленно барабанил по крыше, мощный ветер, дико завывая, разгонял капли дождя и с силой трепал мокрый флаг... Несколько моряков побежали в сторону трапа, чтобы поднять его и подготовиться к отплытию. Экипаж судна занял свои позиции и был готов к выполнению поставленных задач. И только она все еще находилась в состоянии прострации и, боясь окунуться в реальность, напрасно тешила себя призрачными надеждами.

И вдруг, сотрясая воздух, пароход прогудел во второй раз.

Снова острая боль в груди... теперь это ее крест по жизни, и никуда от нее не деться... Измученное сознание вернулось в суровую реальность, сердце сжалось от осознания того, что жизнь уже никогда не будет как прежде... как прежде уже не будет ничего... Ее мир в одночасье рухнул, и все надежды, что теплились в измученной душе, все, что было дорого сердцу, осталось там... под его обломками... в руинах... В каюте воцарилась жуткая, гнетущая тишина, нарушаемая лишь прерывистым дыханием. Кусая губы, отчаявшаяся и усталая, она сползла по стене на пол, повторяя снова и снова: «Это конец... Конец...»

Ей казалось, что все слезы уже выплаканы... их больше нет... но плечи непроизвольно содрогнулись от душивших рыданий, и горькие, соленые капли обожгли глаза и неторопливо потекли по бледному лицу. Медленно стянув с головы куфию (араб. арафатка), обмотанную чалмой в традиционной арабской манере, уткнулась в нее лицом, пытаясь заглушить рыдания. Роскошные русые волосы густым каскадом рассыпались по плечам и спине, как когда-то давно, в прошлой жизни... когда Он распускал их при каждом удобном случае, как только они оставались одни, и, неторопливо наматывая локон на палец, пожирал ее возбужденными глазами... когда, как обезумевший, заключал ее в кольцо своих крепких рук, а горячие, требовательные губы жадно накрывали поцелуями разгоряченное тело, вознося ее к вершинам наслаждения и заставляя забыть обо всем на свете...

Когда жаркими восточными ночами без остатка отдавались любви и страсти, не в силах насладиться друг другом... Когда и часа не могли прожить в разлуке, бесконечно придумывая поводы, только чтобы встретиться еще раз и незаметно для окружающих хотя бы коснуться друг друга... а потом, сгорая от нетерпения, ждать новой встречи... Как же давно это было... и как же безвозвратно ушло...

Целый месяц... одна в бескрайней пустыне... словно слепой котёнок, брошенный в раскалённое безмолвие песков... каждый шаг — как по лезвию ножа, где ошибка равна гибели. — Я знала, на что шла, знала, что будет трудно, что в любую секунду могу погибнуть, сгинув навечно в этой бездушной, проклятой пустыне, знала, чего мне это будет стоить, но все равно бежала, лишь бы только вырваться на волю... От призраков прошлого, неотступно преследовавших меня... От твоей нелюбви, горечь которой по капле отравляла мне жизнь... От своей удушающей несвободы... Но Господь услышал мои молитвы... Я добилась того, что хотела, теперь я свободна, но почему мне не стало легче? Почему? Мне удалось уйти от тебя, но как уйти от себя? Как вырваться из ада этих болезненных, безответных чувств и наконец избавиться от невыносимой, мучительной боли в груди, которую не смогли излечить ни разлука, ни время, ни расстояния.

— Самовлюбленный эгоист... Ненавижу тебя! — вдруг отчаянно крикнула она, глотая слезы и мысленно обращаясь к нему. — Ненавижу...

Но в глубине души боялась признаться в этом даже самой себе; отдала бы все на свете только за то, чтобы открылась эта чертова дверь и он вошел в эту холодную, безликую каюту... чтобы в последний раз взглянуть в его проникновенные глаза, прижавшись к крепкому телу, зарыться лицом в грудь, вдохнуть пьянящий запах его смуглой кожи, ощутить тепло рук и тела... И если бы только он позвал, то простила бы ему все и пошла за ним хоть на край света... не раздумывая... не оглядываясь... и не жалея ни о чем...

Судно тяжело качнулось и, издав последний протяжный гудок, под усиливающийся гул моторов стало медленно отчаливать от берега... Забившись в угол и уткнув лицо в колени, девушка в отчаянии зажмурила глаза и с силой зажала уши.

Глава 1

Тремя годами ранее...

— Торопитесь! — громко скомандовал молодой всадник, обращаясь к своим людям. — У нас нет времени. — И, прищутив глаза, чтобы защититься от песка, которым был заполнен раскаленный воздух, с беспокойством окинул взглядом горизонт. С юга на них надвигалась темная непроницаемая стена, грозившая в любую минуту настичь усталых, измотанных людей и обрушить на них тонны песка и пыли... В пустыне начиналась песчаная буря.

Молодой человек рассчитывал уже через пару дней вернуться в столицу, но беженцев из разоренных деревень приграничной зоны было слишком много: старики, женщины, дети... среди них раненые и больные... И обдуваемый знойным южным ветром самумом, свирепствующим в это время года в Аравийской пустыне и на севере Африки, караван передвигался очень медленно и растянулся на многие сотни метров...

На третий день пути, ближе к полудню, когда солнце уже почти достигло зенита, неожиданно перестал дуть ветер, стихли все звуки живой природы, и в пустыне воцарилась зловещая тишина... ни шороха, ни звука... это был дурной знак...

Сотни человеческих жизней ежегодно забирали бури, свирепствующие в этих краях по нескольку дней, и потому в целях безопасности было принято решение изменить направление маршрута и сделать крюк в сторону старого оазиса, по счастливой случайности находившегося совсем недалеко, для того чтобы разбить лагерь и с минимальными потерями переждать бурю.

Некогда цветущий спасительный оазис оказался небольшим островком жизни в центре бескрайних песков, с десятком истощенных деревьев и почти обмелевшим родником. Говорили, что когда-то здесь жили люди, разводили скот, но по неизвестной причине они покинули его. Вероятно, это было очень давно, потому что уже не осталось никаких следов их пребывания.

Работы предстояло много: соорудить палатки из подручных материалов, чтобы укрыть людей (использовали одеяла и бедуинские плащи, которые были в наличии у каждого араба, странствующего в пустыне), и привязать животных, чтобы испуганные лошади и верблюды не разбежались по всей пустыне.

Грозного вида мужчина — командир отряда хафракских воинов — притормозил коня возле него и, пытаясь перекрыть адскую какофонию, в которую переплелись вой ветра, истошный крик верблюдов и дикое ржание лошадей, обратился:

— Салех... Твоя палатка готова.

— Хамид, спасай людей... Сейчас это важнее... — хрипло произнес севшим голосом Салех и, с трудом преодолевая сопротивление ветра, направил коня вдоль периметра лагеря, чтобы перед тем как укрыться самому, еще раз обойти вокруг и убедиться, что все надежно укрыты и никому не угрожает опасность.

Воздух стал непрозрачным и мутным. Несмотря на то что голова и пол-лица замотаны в арафатку, на зубах захрустел песок, а тело покрылось слоем пыли. Счет уже шел на минуты...

— Всадник... Там всадник! — услышал он за спиной зычный голос Хамида и резко потянул за вожжи. Резвый конь громко заржал и встал на дыбы.

— Это разведчик мухсинов, — нервно выпалил мужчина, поравнявшись с ним. — Видно, шел за нами следом... Сейчас это сучье отродье пожалеет, что на свет родился, — злобно выругался Хамид, собираясь пуститься в погоню.

— Стой, Хамид... не спеши... — крикнул Салех, внимательно всматриваясь в указанном направлении.

Сквозь облако пыли и редкие чахлые деревья напряженный взгляд уловил всадника, который, вероятно, вышел из-за бархана и быстро приближался к оазису с противоположной стороны от лагеря.

— Ты нужен здесь. Поторопи людей, — крикнул он на ходу. — Я сам возьму этого пса.

— Это может быть засадой... Это опасно... — пришпорил коня Хамид, но тот дал ему знак рукой «остановиться» и, не оглядываясь, ускакал, преодолевая мощное сопротивление ветра.

Как только он выскочил из-за деревьев, всадник заметил его и резко остановился, как будто растерялся, что так глупо подставился (учитывая тот факт, что, вероятно, он уже несколько дней следил за караваном, оставаясь незамеченным)... Но быстро взял себя в руки и, развернув свою лошадь, помчался в противоположном направлении. Не сбавляя скорости, Салех помчался следом за ним.

Ветер дико завывал, сметая все на своем пути и поднимая до самого неба столбы песка и пыли... горячая обжигающая субстанция проникала повсюду: в лицо, в глаза, под одежду, но это не мешало всадникам продолжать свою бешеную скачку.

Солнце окончательно скрылось за тучами песка и пыли, стало стремительно темнеть, как будто на пустыню опускался вечер. Мужчина чувствовал, что еще немного — и видимость сведется к нулю. Знал, что в любую минуту его может накрыть тонной песка и ему не избежать неминуемой смерти. Но в эти минуты это мало волновало его. Он не мог себе позволить упустить врага... заклятого врага... мухсина... воина из соседнего халифата Мухсин... которые напали на приграничные земли, разоряли деревни, похищали людей, угоняли скот...

— Нет... я не дам тебе уйти... пусть даже нас накроет вместе, но ты не уйдешь от меня... нет...

Злость, кипевшая в груди, придавала силы и подгоняла вперед, несмотря на противостояние сил природы. Конь тяжело передвигался, беспокойно мотал головой и громко ржал, а его ноги то и дело застревали в раскаленном песке. Но мужчина не без злорадства отметил, что дистанция между ними стремительно сокращается... и с каждой секундой все быстрее и быстрее. При ближайшем рассмотрении стало очевидно, что эта кляча под седлом противника уже выдохлась и с трудом передвигает ноги.

Салех, не сбавляя скорости, зашел спереди и резко преградил им путь, заставляя противника притормозить. Лошадь с диким ржанием поднялась на дыбы... От неожиданности выпустив вожжи из рук и не удержавшись в седле, седок мешком рухнул на землю. Избавившись

от груза на спине, усталое животное, мотая головой и громко фыркая ноздрями, поскакало дальше, не сбавляя ход.

На скаку спрыгнув с коня и обнажив саблю, мужчина побежал к противнику, но тот, не дожидаясь его, неуклюже поднялся на ноги и, молча пятясь назад, выставил руку перед собой, в которой сверкнуло лезвие ножа...

Щуплый, можно сказать даже хилый парень в огромном бедуинском плаще, который нелепо свисал с его узких плеч и болтался в ногах... под ним виднелась не менее свободная рубаха и штаны, которые казались как с чужого плеча... вид был довольно плачевный и вызывал только жалость... Голова и лицо его были надежно закрыты куфией, кроме глаз — покрасневших от раздражения, огромных испуганных глаз, которые, несмотря на весь ужас, царивший в воздухе, оставались широко открытыми, даже казались светлыми, и в них отражался смертельный страх...

Салех хорошо знал этот полный ужаса взгляд загнанной жертвы... чувствовал... ощущал приторный вязкий запах страха... как зверь, учуявший добычу...

— Хмм... Ну что? Страшно тебе, пес? — чертыхнулся мужчина и брезгливо сплюнул под ноги...

Но стоило ему приблизиться, как тот, пятившийся назад, вдруг резко остановился и, не говоря ни слова, шагнул к нему... обманым движением выбросив руку вперед, полоснул ножом воздух, едва не коснувшись его груди. Отскочив назад, мужчина, мгновенно взмахнув саблей, мощным ударом выбил нож из рук противника — тот отлетел далеко в сторону. Следующее мгновение... еще взмах... и вдруг стусившийся плотный воздух разрезал отчаянный женский крик... Сверкающее лезвие, готовое полоснуть по шее противника, замерло, едва не коснувшись ее... Напряженно сжимая рукоять сабли, Салех удивленно смотрел на своего визави, не сразу поняв, что это было. Тот стоял сжавшись, спрятав лицо в дрожащих ладонях... плечи едва заметно подрагивали...

— Открой лицо, — глухо скомандовал он и, не дожидаясь, грубо дернул за руку.

Полные ужаса глаза снова смотрели на него не моргая. Они и правда были светлыми, но их цвет в этом хаосе было не разобрать. Не отводя заинтересованного взгляда, он пальцем зацепил край платка и легко потянул... Вскрикнув, она испуганно отшатнулась назад, ибо перед ним стояла юная девушка. Песок залетал ей в нос, в полуоткрытый рот; тяжело дыша, она медленно пятилась назад. Впалые щеки, узкий нос, пухлые потрескавшиеся губы, огромные глаза, белоснежная кожа... хмм... хороша... даже слишком. Спустя мгновения все покрылось слоем пыли и превратилось в серое безжизненное полотно, и только необыкновенные глаза, живые и горящие, все еще неотрывно смотрели на него.

Потрясенный увиденным, мужчина стал с неподдельным интересом ее изучать... Белая женщина в этом песчаном аду... Одна... Что она тут делает? Невооруженным глазом видно, что не арабка... Но кто? Зачем она здесь? Не похоже, что шпионка мухсинов, слишком чужеродна... слишком нереальна... как мираж... как воплощенная эротическая фантазия...

Таинственная незнакомка не сводила с него настороженных глаз, видя в нем главный источник угрозы и с ужасом оценивая степень опасности. А она была... Девушка кожей чув-

ствовала ее: крепкий, как бронзовая статуя, сабля как продолжение руки, слишком силен... ей его не одолеть, да и уйти не получилось... три дня бежала — и все напрасно... все равно поймали, уроды... Возможно, это конец... Она не раз слышала о том, что бывает с теми женщинами, которые попадают к ним в руки... мухсины кровожадны — никаких церемоний, никакой жалости... вначале жестоко насилуют, а потом продают в рабство...

— Ты кто? — крикнул он, заглушая вой ветра, и шагнул к ней.

— Нет... Нет... Не надо... — шептала она одними губами, мотая головой, и снова попятилась назад.

— Стой! — жестко гаркнул он и рывком сорвал куфию с ее головы.

Захотелось увидеть ее волосы — почему-то казалось, что они должны быть светлыми, шелковистыми, особенными... как, впрочем, и сама она. Чем привел ее в невообразимый ужас...

— Нет! — громко взвизгнула девушка и, сорвавшись с места, побежала, но успела сделать всего несколько шагов. Сильный шквал ветра сбил ее с ног и как пушинку протащил десятки метров по склону бархана, по пути расцарапав в кровь лицо и руки. С трудом преодолевая сопротивление ветра, мужчина добежал до нее и накрыл собой. Нужно срочно прятаться, или их сейчас засыплет песком и пылью и они тупо задохнутся.

— Не трогайте меня... Отпустите! — закричала срывающимся голосом на арабском, с заметным акцентом.

— Успокойся и послушай меня! — крикнул ей прямо в губы, но она ничего не слышала... брыкалась и отбивалась как дикая необузданная лошадь, пытаясь скинуть его с себя.

— Пожалуйста, отпустите... Умоляю, не трогайте меня! — разрыдалась в голос, мотая головой.

— Я не трону тебя... Не бойся, — попытался он успокоить ее, обхватив руками голову и заставляя поднять на себя глаза.

Вываленная в пыли, сквозь свежие царапины и ссадины, густо облепленные песком, сочилась кровь. С каждым вдохом раскаленный песок забивался ей в нос, в глаза, залетал в рот, обжигая все внутренности и забивая легкие... стало душно, больно, нечем дышать... она задыхалась и, как рыба, выброшенная на берег, широко открыв рот, пыталась вдохнуть глоток воздуха, но глотала только песок...

Стянув с головы куфию, он быстро накрыл ею ее лицо, оставив открытыми только глаза, и громко крикнул:

— Дыши... ты слышишь меня? Дыши глубже... Ну... Давай! — И сразу почувствовал, как, лишившись преграды, вся муть из воздуха с каждым дыханием проникает в него... дышать и правда было нечем...

— Уберите руки... Что вам нужно от меня? — голос сорвался на хрип, и, изловчившись, она расцарапала его лицо...

Размахнувшись, он отвесил пощечину и жестко заговорил:

— Дура... заткнись и слушай меня! — Она была явно не в себе. Отвешивать реверансы уже не было времени, да и другого способа привести ее в чувство тоже...

Несмотря ни на что, ему было жаль ее. Она не понимала, что, пытаясь сейчас бежать от него, обрекает себя на верную гибель. Кем бы она ни была, но точно чужачка и ни черта

не смыслит в суровом и переменчивом климате бескрайней Аравийской пустыни... он не мог отпустить ее и позволить сгнуться в этих песках... Да и к тому же она слишком хороша... и очень молода... А волосы и правда светлые, нежные, белесые, как пески на побережье Красного моря...

— Не бойся меня, я тебя не трону. Нам нужно спастись, или мы погибнем... Оба... Понимаешь? — он кричал ей прямо в ухо, чтобы перекричать гул ветра. Она как-то сразу стихла и обмякла и молча кивнула.

— Нам надо укрыться от ветра... Это нужно сделать сейчас... А потом, когда стихнет буря, ты можешь уйти... Ты слышишь? — она опять молча кивнула. — Я не буду тебя силой удерживать... Ты не бойся меня...

— Надо обработать твои раны, — прозвучало в полумраке возле самого уха.

— Нет, — едва слышно, но твердо ответила она.

— Да... или они загноятся, — прозвучало настойчиво.

Соорудив из плащей подобие палатки с подветренной стороны большого бархана (которые обычно очень медленно меняют свои очертания под натиском ветра), они молча сидели в полумраке, привалившись спинами к песчаному склону, почти касаясь друг друга. Напряженно обхватив себя руками, девушка всячески старалась отодвинуться от него и сохранить хотя бы минимальную дистанцию, но все было напрасно: он был слишком близко, слишком рядом и заполнял все то небольшое пространство вокруг.

— Пусть... Это мои раны... — жестко отрубил она.

Позволить этому мухсину-убийце прикасаться к себе даже под самым благовидным предлогом после того, как они убили Мустафу и Нуран... НИКОГДА... Пусть не он, а другой... какая разница... все они убийцы... Лучше бы я умерла, чем позволила этому гаду спасти мою шкуру и делать вид, что ничего не произошло... Болезненные воспоминания разбередили совсем еще свежую душевную рану и острой болью отозвались в груди. Крепко сжав зубы, чтобы не расплакаться, попыталась взять себя в руки и успокоиться, но горячие соленые слезы медленно потекли по щекам.

— Пусть? Хмм... — хмыкнул мужчина и удивленно уставился на нее. — Вижу, ты не догадываешься о том, ЧТО тебя ждет. — Выждал паузу, но она молчала, низко опустив голову. — Царапины на твоей коже остались от колючих кустарников, шипы которых содержат смертельный яд. Очень скоро у тебя начнется жар, потом галлюцинации и бред. Начнут воспаляться ссадины... — он заметил, как она вздрогнула, напряглась и накрыла уши ладонями, вероятно, чтобы не слышать его. — Всю ночь ты будешь гореть как в аду, испытывая невыносимые боли, а утром... — он замолчал, нагнетая и без того напряженную обстановку.

— Что утром? — еле слышно спросила она после некоторой паузы, подняв на него глаза.

— Если сейчас же не дашь обработать свои раны, то утром отправишься к праотцам, — прозвучало безапелляционно и слишком кощунственно, особенно учитывая то, что они сделали с близкими ей людьми... Нелюди... Ничего святого... Слезы опять предательски потекли по щекам...

— Еще скажи, что тебе жаль меня... — срывающимся голосом крикнула она. — Ну... Что ты молчишь? Скажи... Скажи, как тебе жаль меня.

— Что с тобой? — он мягко положил ей руку на плечо. Вероятно, психика не выдержала.

— Не трогай меня, сволочь! — истерично взвизгнула она и скинула его руку с плеча.

— Нравится тебе это или нет, но я не дам тебе так глупо погибнуть... Понятно? — рявкнул он, схватив ее за плечи.

— Возомнили себя богами... Уверены, что вправе решать, кому можно жить, а кому нет! — крикнула она, срывая голос. — Вы еще хуже, чем я думала... Ненавижу вас всех...

— У тебя уже жар. Не думал, что это так скоро начнется... может, потому что кожа слишком нежная. Ты бредишь, — примирительно произнес он, не обращая внимания на ее слова.

— Нет... бред — это ты и все, что ты несешь... — захлебываясь слезами, крикнула она. — Убийца! Одной рукой убиваете, другой как будто спасаете... Я была там... Я все видела... Ты не заставишь меня поверить в свою бескорыстность! — и стала колотить его кулаками в грудь.

— Это все действия яда... Галлюцинации... Еще немного — и будет поздно... — обняв ее, он крепко прижал ее к себе, не давая возможности вырваться, и стал мягко гладить по голове, плечам. — Успокойся... Сейчас я обработаю раны, и тебе станет легче...

— Не смей говорить со мной как с сумасшедшей... Я еще в своем уме! — голос сорвался на рыдания, слезы текли по щекам. — Боишься потерять свои кровавые гроши... Пусть лучше я отправлюсь к праотцам, чем дам тебе заработать на себе... — попыталась вырваться из захвата, но так и не смогла. — Мухсин проклятый... ты меня не получишь...

Три дня она крепилась, не давая себе расслабиться, пока отчаянно блуждала в пустыне, а теперь долго сдерживаемые слезы вырвались наружу, превратившись в истерику.

Несколько мгновений он ошалело смотрел на нее, осмысливая услышанное:

— Какой мухсин? Какие гроши? Ты о чем? — громко спросил он, заставив ее поднять на него глаза. — Ничего не понимаю.

— Все ты понимаешь... Не прикидывайся... Три дня как зверь ты шел по моему следу, а теперь забыл, зачем шел? — она снова попыталась вырваться, но он был слишком силен. — Отпусти меня, урод.

Было уже довольно поздно. В непролазной темноте имитированной палатки ее огромные глаза сверкали праведным гневом, но он не ослаблял захвата, пока она не успокоится и не перестанет буянить.

— Кажется, я начинаю понимать. Возможно, ты из одной из приграничных деревень, которые разорили мухсины. К счастью, тебе удалось бежать, и теперь по ошибке ты приняла меня за одного из них... Я угадал?

Она тяжело дышала, все еще упрямо пытаясь вырваться, не подтверждая и не отрицая его предположение.

— Угадал... — ответил он сам себе. — Только ты ошиблась. Я не мухсин, я из Хафрака. Сопровождал караван с отрядом воинов. Мы собирались переждать бурю возле оазиса, когда я увидел тебя и принял за шпиона мухсинов. Как видишь, мы оба ошиблись, но, к счастью, все обошлось без жертв.

— Я не верю тебе, — наконец негромко произнесла она.

— Я и не ждал, что ты мне сразу поверишь. К утру, когда буря стихнет, мы вернемся с тобой в оазис, и ты сама во всем убедишься.

— Я не совсем понимаю, куда и как ты теперь собираешься возвращаться, но благодаря тебе у меня уже нет лошади... и вообще ничего нет... Ничего...

— Значит, вот почему ты злишься? — улыбнулся он. — Не волнуйся, мой конь привыкший ко всему и не боится бури. Точно знаю, что он никуда не сбежал и сейчас находится где-то рядом.

— На твоём месте я не была бы так уверена. А вдруг у него случился инфаркт и он и правда лежит где-то рядом, только дохлый? — мгновенно отпарировала она.

— Допустим... А как насчет твоей клячи? Ты совсем исключаешь возможность счастливого воссоединения с ней? — он с трудом сдерживался, чтобы не рассмеяться.

— Боюсь, что она испустила дух от страха в ту же секунду, когда ты выскочил ей наперез, — не сдавалась она.

— Или все-таки естественной смертью? — улыбнулся он. — Например, от старости.

— Теперь неважно. Ничего уже неважно. Пешком, без воды и еды нам никогда не выбраться отсюда, — сказала она с какой-то грустью и взглянула на него. — Мы умрем, да?

Глаза неестественно блестели во мраке, возможно, это были слезы. Стало жаль ее и стыдно за себя. Перестав шутить, он быстро добавил:

— Не бойся, нас найдут мои люди, это совсем несложно. Мы недалеко ушли от лагеря.

Она ему нравилась все больше и больше, даже восхищал ее грамотный разговорный арабский с каким-то трогательным, ласкающим слух акцентом и приятный приглушенный голос. Девушка молчала, опустив глаза, а потом отрешенно прошептала:

— Я уже ни в чем не уверена, — как будто наконец осознала весь ужас ситуации, в которой оказалась. Голос стал слабым, безжизненным, дыхание участилось, страшно болела голова... начинался жар. Перестав сопротивляться, она притихла и обмякла в его руках.

Достав из кармана небольшую плоскую фляжку с водой, он приложил ее к ее губам:

— Выпей, тебе станет легче.

Ей, конечно, очень хотелось пить, но все, что было с собой (вернее то, что осталось — немного воды и еды), хранилось в холщовой сумке, привязанной к седлу лошади, которая и пропала вместе с лошастью. А пить воду этого незнакомого мужчины ей было неудобно. Отказов он не принимал и уже несколько раз насильно заставлял ее пить. А потом он промокнул длинный лоскут ткани, предварительно оторванный от подола своей рубашки, и в кромешной темноте стал очень осторожно, чтобы не причинить ей боль, тщательно очищать ее лицо и ладони от песка, пыли и крови.

Такая горячая, резкая, безрассудная... он невольно улыбнулся в темноту. Лицо почти касалось лица... глаза пленили глаза... открытый невинный взгляд, но он по личному

опыту знал, что в глубине его... там... на самом дне... дремлет дикая, необузданная страсть... А какие соблазнительные губы... Проводя по ним кончиками пальцев, он задержался на несколько мгновений, ощущая их волнительную, чувственную припухлость... Было безумно приятно прикасаться к ней, слушать биение ее сердца, ощущать дыхание на своем лице...

Все его мужское естество отзывалось на нее, тянулось к ней, желая сорвать с нее это ужасное мужское тряпье и, забыв обо всем на свете, на этом самом месте, в центре пустыни, в самом сердце беснующейся стихии, ночью, присыпанные песком и пылью, любить, ласкать, жадно целовать каждый кусочек, каждый миллиметр ее молодого тела. Мощным рывком войти в ее упругое тесное лоно до упора, заполнить ее всю собой и чувствовать, как она судорожно

сжимается вокруг него... заставить змеей извиваться под собой, стонать от удовольствия и на самом пике наслаждения, в порыве дикой страсти, наконец сорвать с ее усталых покусанных губ свое имя...

Привыкший ни в чем себе не отказывать, Салех стоил себе огромных усилий, чтобы держать себя в руках, но так было надо: он не хотел ее пугать. Почему-то для него стало важным, чтобы она верила ему. Доверяла. Чувствовала себя с ним защищенной. Потому что знал, что никуда ее от себя не отпустит. Заберет с собой в Хафрак и сделает своей женщиной, не допуская и мысли о том, что она может быть чьей-то женой, дочерью или матерью. И станет тем единственным мужчиной для нее, который будет обладать ею и разбудит в ней страсть.

— Как тебя зовут? — в голове вертелись сотни вопросов, мучившие его на протяжении всего вечера и на которые он наконец собирался получить ответы. Еще раз промокнув лоскут, он уже протирал ей ладони и чувствовал, как она внимательно наблюдает за ним.

— Шакра, — прозвучало негромко, что стало полной неожиданностью для него.

— Шакра? — переспросил он с недоверием. — То есть блондинка... светловолосая... Кто ты? Откуда?

— Я не знаю... Я ничего о себе не знаю... — вздохнула она тяжело. — Вернее, не помню.

— Что значит «не помнишь»? Ты хочешь сказать, что не знаешь, кто ты? — непонимающе уставился он на нее.

— Меня нашли в Маруре — приграничном рыбацком поселке. Я лежала на берегу и не подавала признаков жизни, и если бы не добрые люди, то, возможно, так бы и умерла, не приходя в сознание. Старый рыбак Мустафа и его жена Нуран подобрали меня. Целую неделю я не приходила в сознание, была в бреду. Нуран не отходила ни на шаг и выходила меня. А когда пришла в себя, то ничего не вспомнила. Совсем ничего. Ни как меня зовут, ни откуда я родом, ни кто я такая вообще. В голове был просто чистый белый холст, на который можно было нанести все что угодно. Впрочем, и сейчас ничего не изменилось.

Достав из кармана небольшой пузырек из обожженной глины, Салех откупорил его.

— Прости, мне нужно смазать твои ранки. Будет больно...

— Вода... Мазь... все с собой? А ты предусмотрительный, — и, закрыв глаза, она повернулась к нему лицом. — А я все хранила в сумке, привязав к седлу лошади; думала, что так и надо, и всего лишилась.

— А если бы догадался еще пару лепешек с сыром запихнуть в карман, то сейчас они нам точно не повредили бы, — усмехнулся он и очень осторожно, чтобы в темноте не попасть в глаза, стал тонким слоем наносить ей на лицо. — Что было дальше? Никаких воспоминаний?

— Нет... Я так ничего и не вспомнила. Возможно, произошло крушение корабля, на котором я находилась. Меня волной выбросило на берег, и я оказалась по счастливой случайности единственной выжившей. При мне ничего не нашли, что могло бы пролить свет на мое происхождение.

— Кажется, я понимаю, почему тебя называли Шакрой, — подал Салех голос.

— Несложно догадаться, — грустно улыбнулась она. — Из-за цвета моих волос.

— Никто тебя не искал? Никаких новостей о затонувшем корабле? Зная порт отправки судна, можно попытаться найти кого-то, кто, возможно, видел тебя или знал.

— Марур — это маленький заброшенный поселок. Всего несколько покосившихся старых лачуг, в которых давно уже никто не жил. Говорили, что в последние годы рыба ушла от этих берегов и те несколько семей, которые проживали там, уехали кто куда. Только Мустафа и Нуран отказались покидать свою землю. За полгода, что я там прожила, нас никто не посетил.

— Ты неплохо владеешь арабским. Откуда ты его знаешь? За полгода невозможно так выучить язык.

— Я не знаю... Когда я пришла в себя, то понимала их... и свободно говорила с ними... правда, вначале было немного сложно — разница в диалекте, но очень скоро я подтянула его.

— Ты не арабка, в этом нет сомнений... но у тебя литературный язык, видно, что ты для чего-то изучала его... изучала по книгам... Но для чего?

— Ой... Больно... Щиплет! — вдруг завизжала девушка.

— Все верно... это мазь начинает действовать, — спокойно отреагировал он.

— Горит... Лицо горит... Больно... Не могу! — слабо застонала она, кусая губы, и почувствовала, как большая тяжелая ладонь взяла ее за затылок и мягко повернула к себе...

Лицо совсем рядом... глаза в глаза... и вдруг легкий прохладный ветерок, как живительный источник, слегка касаясь разгоряченной кожи, стал ласкать и остужать ее, помогая бороться с болью... показалось, что боль и правда отступила... Обычно любящие мамы так дуют на ссадины своего ребенка, чтобы успокоить любимое чадо и унять его боль... Наверное, так же было и в моем детстве, я совсем не помню, но зато как же было приятно снова почувствовать себя маленькой и защищенной. Как же это трогало... Осталось дело за малым — поцеловать рану как заключительный аккорд и объявить, что она зажила и ее больше нет...

Только успела подумать об этом, как почувствовала прикосновение его губ... легкое, нежное, воздушное, как взмах крыла бабочки. От неожиданности девушка растерялась и замерла... Они касались глаз... щек... кончика носа... спустя мгновение коснулись полуоткрытых губ... еще и еще раз... Чувствуя на себе знойный взгляд смуглого красавца, невольно поежилась, но не решилась поднять глаза... все было слишком волнительно, чувственно и нереально... как во сне...

Баловень судьбы, красавец, окруженный любовью и вниманием, он никогда не мог устоять перед женской красотой, искренне восхищаясь ею и преклоняясь перед ней. Вот и теперь смотрел в ее глаза и чувствовал, как что-то теплое и волнительное зарождалось в его душе и неторопливо разливалось по всему телу...

— Ты вся дрожишь... Что с тобой? — спросил он участливо, с теплотой в голосе.

— Мне очень плохо... Холодно... Очень... — прошептала негромко и покорно опустила голову ему на плечо...

Ее знобило... Крутило... Жар то усиливался, то спадал, но благодаря чудодейственным свойствам мази, которую придворный врач изготавливал из вытяжки сотен лекарственных растений с добавлением змеиного яда, была высока вероятность того, что ночь она проведет более или менее спокойно.

— Будет немного больно... Потерпи... Но я здесь... Я рядом с тобой... — шептал он успокаивающе и, снова достав фляжку с водой, заставил ее выпить воды, а потом, стянув с себя рубаху, быстро накрыл ею девушку и, мягко обняв, притянул к себе. Его голый мускулистый торс, плотно прижатый к ней, невольно смутил ее, заставив покраснеть до кончиков волос, но спустя мгновения она почувствовала, как жар его тела плавно переходит к ней и приятно разливается по всему телу... Удобно расположив голову на его крепкой груди, под мерный стук его сердца, она немного расслабилась и даже почувствовала себя лучше.

— Лучше? — спросил мужчина через несколько минут, с беспокойством наблюдающий за ней.

— Да... Спасибо, — едва кивнула она.

— Шакра... — прошептал он одними губами, проведя ладонью по ее волосам. — А как ты оказалась в пустыне? Да еще одна... Куда ты направлялась? — Салех знал по личному опыту, что сейчас девушка испытывает страшные боли (иммунитет борется с ядом, попавшим в организм), и единственное, чем ей можно помочь, — это отвлечь ее, заставить говорить. — Почему ты покинула Марур?

Несколько долгих минут девушка силилась, пытаясь взять себя в руки, чтобы не расплакаться.

— Марура больше нет, — выдавила она с трудом.

— Как нет?

— Так — нет... Его нет больше... Нет... Понимаешь? — всплыла она, и как ни старалась, но слезы ручьями потекли из глаз. Она почувствовала, как напряглось его тело и сжались кулаки.

— Когда мухсины вошли в поселок, Мустафа отвязал лошадь и выпустил ее. Она хоть и старая была, но все равно было жалко ее отдавать. Сказал, что она вернется назад, она приученная. А меня он спрятал под свалкой старых гниющих сетей на берегу. Они так воняли, что там бы никто не стал ничего искать. Нуран отказалась прятаться, сказала, что в ее возрасте стыдно кого-то бояться. Они разворошили весь дом и собирались поджечь, как и все заброшенные лачуги вокруг, но Мустафа мужественно до последнего отстаивал свой дом и даже набросился на одного из них, за что и был убит. Я видела, как Нуран достала старую винтовку, тщательно спрятанную в заброшенном сарае по соседству, и застрелила обидчика... Они убили и ее... — она не боролась со слезами, они текли и текли, а вместе с ними из нее вытекала вся боль, терзавшая ее: обиды, страхи, ненависть — все, что накопилось в ней и тяжелым грузом лежало на душе.

Девушка говорила и говорила, а Салех молча слушал ее, прижимая к себе и не мешая ей выговориться.

— Они подожгли Марур и ушли. Ночью я похоронила Мустафу и Нуран в песках. Рядом друг с другом. Они прожили всю жизнь вместе и вместе ушли. Мустафа учил меня, как ориентироваться по звездам, так, на всякий случай. Говорил, что в пустыне лучше всего передвигаться ночью по звездам, а днем отсыпаться... А иначе можно заблудиться и сгинуть в песках. Считал, что знаний лишних не бывает, и кто знает, может, мне придется их когда-нибудь в жизни применить... Так и вышло... Лошадь, как он и говорил, вернулась. Я собрала на пепелище все, что можно было употребить в пищу, наполнила водой старый бурдюк, в котором Мустафа хранил вино, оделась в его одежду и покинула разоренный поселок. — Она замолчала... а слезы все текли и текли.

— А куда ты направилась?

— На юго-восток. Надеялась встретить караван в Эр-Рияд и примкнуть к нему. Мне Мустафа и Нуран много рассказывали о нем. Это большой город, думаю, там я смогла бы заработать себе на пропитание и выжить. А может, ко мне когда-нибудь память вернется, и я смогу попасть к себе домой... Где бы он ни был, мой дом, я очень по нему скучаю...

— И память вернется, и все будет хорошо... Как давно ты в пути?

— Уже три дня как блуждаю по пустыне... Днем я пряталась, боялась столкнуться с мухсинами, а ночью пускалась в путь. Я еще издалека заметила этот оазис и очень обрадовалась, что смогу набрать воды, а если повезет, то и фиников собрать... с едой у меня было негусто...

и потому, наплевав на осторожность, я быстро направилась к нему. Тем более что надвигалась буря, и я рассчитывала переждать ее там, — она тяжело вздохнула и замолчала.

— Но тут ты увидела меня...

— Ты так неожиданно появился... Я очень испугалась, думала, что мухсины меня выследили, и попыталась бежать... А дальше ты знаешь...

Прекрасная нежная мелодия вылетала из-под тонких изящных пальцев, легко порхавших по черно-белым клавишам, и заполняла все пространство вокруг. Она звучала повсюду, наполняя дом атмосферой уюта и спокойствия, и плавно сливалась со звуками природы, доносившимися из сада сквозь настежь открытое окно. Большие прозрачные капли дождя звонко стучали по подоконнику, оставляя брызги на влажном стекле. Легкий летний ветер шуршал листвой огромных старых деревьев, а временами, забравшись за строгую штору, в такт божественной музыке раскачивал ее...

Проснувшись, Шакра не спешила открыть глаза, а по привычке наслаждалась божественными звуками музыки, которые продолжали звучать в голове... Каждую ночь один и тот же сон: чьи-то красивые пальцы порхают по клавишам, и бесконечно нежная, чарующая, выворачивающая душу наизнанку мелодия заполняет все пространство вокруг. Было в ней что-то трогательное, успокаивающее, родное... казалось, что она звучит откуда-то издалека и неразрывно связана с ее прошлым... Но что именно? Чьи это руки? Что это за мелодия? К чему этот сон? То ли это воспоминания из ее прошлой жизни, укрывшиеся глубоко в подсознании и напоминающие о себе только во время сна... А то ли просто уставший мозг дает возможность под волшебные звуки музыки отдохнуть от чужой — а может быть, и не чужой вовсе, она не знала этого наверняка, но незнакомой ей реальности — хотя бы во сне.

Открыв глаза, перед взором предстала странная картина... незнакомый молодой мужчина крепко спал, откинувшись на спину и прижимая ее к себе одной рукой, а она лежит рядом, положив голову на его голый торс... Затаив дыхание, с ужасом уставилась на него, судорожно вспоминая, как оказалась с ним в одной постели, но взглянув на свои руки, заботливо перевязанные лоскутками, некогда бывшими частью его рубашки, вспомнила и облегченно вздохнула. Правда, только начало вечера, а дальше все смешалось как в тумане... жар, холод и бесконечная боль... потом, наверное, заснула и проспала до утра.

Надо срочно вставать, или умрет от стыда, если он проснется и увидит эту картину. Он может неправильно понять...

Судя по абсолютной тишине снаружи, буря уже прошла, и наконец можно смело выйти из укрытия и сходить за бархан, все-таки вчера она выпила много воды, которая теперь просилась наружу. Но восхищенный взгляд прошелся по крепкой груди, которая мерно вздымалась от каждого его вдоха. По широким квадратным плечам, по длинной мускулистой руке, лежавшей вдоль тела, и крупной ладони с затвердевшими, возможно, от сабли мозолями на внутренней ее стороне... по шее, как у племенного быка, и плавно остановился на лице.

Хотелось разглядеть этого таинственного незнакомца, спасшего ее от неминуемой смерти. Потом, когда он проснется, пялиться на него будет неудобно.

При свете дня, расслабленный и спокойный, он выглядел совсем молодым, возможно, всего лишь на пару лет старше нее, не больше... А вчера казался взрослым, умудренным жизненным опытом мужчиной.

Ей было так спокойно рядом с ним, как будто родной, близкий... Как будто знала его всю жизнь... но только сейчас вспомнила, что даже имени его не знает и вообще не знает о нем ничего.

Чем дольше смотрела на него, тем труднее было отвести взгляд. Несмотря на то что выглядел как дикарь, он был слишком хорош собой и ладно скроен, а судя по его поведе-

нию, «начинка» была вполне достойна роскошной обертки. Спутанные, черные как смоль волосы касались плеч, многодневная густая щетина на смуглой коже была покрыта пылью, четко очерченные темные брови придавали строгости лицу. Полные чувственные губы откровенно соблазняли, манили к поцелую...

И вдруг отчетливо вспомнила его губы на своем лице, шее, губах... такие жаркие, чувственные... на ощупь... на вкус... смущенно опустила глаза и тыльной стороной перевязанной ладони прикрыла горячие потрескавшиеся губы...

Такое с ней было впервые: от волнительных воспоминаний кровь прилила к лицу, кожа горела, стало душно... хотелось вырваться на воздух, вдохнуть полной грудью и не оглядываясь бежать... бежать, не разбирая дороги... как можно дальше... бежать от себя и от своих пугающих ощущений... бежать от этого незнакомого, но опасного мужчины, который легко, как по щелчку пальцев, едва коснувшись ее, заставил учащенно биться сердце и забыть обо всем на свете... бежать...

Подняв край рукотворной палатки, аккуратно разгребла рукой песок, который нанесло за ночь, и очень осторожно, чтобы не разбудить своего спасителя, вышла наружу... Было раннее утро, солнце только вставало из-за горизонта, и потому его яркие лучи еще не успели согреть воздух и раскалить песок... Оглядевшись вокруг, Шакра с наслаждением прислушалась к девственной тишине, царившей над бескрайними песчаными просторами... Ни шороха, ни звука... Ни единой живой души...

Природа не спеша пробуждалась ото сна и после разрушительной стихии осторожно возвращалась к жизни.

Подняв лицо к небу, девушка несколько раз глубоко вдохнула и выдохнула, чтобы вытеснить из памяти, из души, из сердца все дурные воспоминания и открыться навстречу новой жизни. Прохладный воздух коснулся разгоряченной кожи, и девушка облегченно вздохнула, наслаждаясь приятными ощущениями.

Босиком, в старых больших штанах, подвязанных веревкой на талии, и в огромной выцветшей мужской рубахе, которая почти достигала колен, с многократно подвернутыми рукавами, она стояла на вершине бархана и задумчиво смотрела вдаль. Не было прошлого, как, впрочем, и настоящего... и никаких перспектив на будущее. Как будто ее жизненный путь пришел к своему логическому завершению, и теперь она стоит у самой крайней черты в ожидании неминуемого конца... но внутренний голос подсказывал, что все, что было до сих пор, было предисловием к чему-то очень важному и значимому, предначертанному свыше, что все в ее жизни только начинается, а самое главное ее ждет впереди.

Глава 2

Принц вернулся... Принц вернулся... Они вернулись... Наконец-то, хвала Аллаху... Дворец гудел как растревоженный улей... Обычно новости распространялись в мгновение ока, и потому уже через несколько минут все знали, что отряд воинов во главе с наследным принцем вернулся домой... А самое главное — принц жив и здоров...

Большой многолюдный караван не спеша входил через главные ворота, направляясь в сторону малого двора, где их уже дожидалась толпа слуг, чтобы встретить своего любимца и помочь.

Спустя совсем немного времени весь двор был заполнен людьми, лошадьми и верблюдами. Шум стоял как на центральной ярмарке в пятницу во время самых жарких торгов; никто никого не слышал, но зато каждый знал, что надо делать, и был занят своими обязанностями. Кто-то помогал людям спуститься с верблюдов, кто-то расселял их там же, в углу двора, в тени, на матрасах, набитых соломой, кто-то приносил воду в больших бочках и раздавал ее новопривышим...

Салех вдвоем с Хамидом бодрыми шагами шли по коридорам дворца, направляясь в покои шейха Фалаха — эмира Хафрака, одного из могущественных халифатов на Аравийском полуострове. Выглядели немного усталыми, но довольными.

Две недели назад, когда было получено сообщение о том, что воины соседнего халифата Мухсин напали на приграничные деревни Хафрака, Салех вместе с отрядом воинов, во главе которого стоял Хамид, отправился в военный поход на защиту своих территорий.

Как только они вошли в приемный зал, Фалах подал знак охране, чтобы его не беспокоили, и, улыбаясь, широко раскрыв объятия, пошел навстречу мужчинам.

По дворцовому этикету никто не имел права появиться перед правителем в неопрятном виде, но это был особый случай... Поведение мухсинов на границе в последнее время вызывало опасения, Фалах с нетерпением ждал их возвращения, желая услышать из первых рук реальное положение вещей на границе. К тому же все знали любовь эмира к своему младшему брату, ему прощалось многое... да и вообще, он был всеобщим любимцем...

Остановившись за несколько метров, мужчины приложили руки к груди и низко опустили головы, как того требовали правила.

— Ну здравствуй, брат... С возвращением... — эмир крепко, по-отцовски обнял Салеха и ободряюще постучал по спине.

— Рад тебя видеть, повелитель... Да хранит тебя Аллах, — широко улыбаясь, ответил он.

— С возвращением, Хамид, — Фалах крепко пожал руку своему военачальнику. Он был его правой рукой и самым надежным из его людей, который не раз доказывал верность и преданность Хафраку и своему повелителю.

— Да пребудет Всевышний с Вами, Сайиди (араб. мой господин), — ответил мужчина.

— Мы с дороги... Грязные совсем... Не хотели терять времени, — улыбаясь, оправдывался Салех.

— Вы правильно сделали, — прервал его Фалах, предлагая сесть и указывая на большой стол, сервированный фруктами и соком. — Разговор предстоит серьезный... Не может ждать...

Разговор и правда был серьезным... Они подробно рассказали о том, что мухсины большим отрядом проникли на приграничную территорию Хафрака, разорили несколько деревень, угнали скот, молодых людей забрали в рабство, тех, кто отказывался подчиняться, убивали, но, к счастью, далеко не успели уйти. Удалось выйти на их след и внезапно напасть. Всех мухсинов

перебили, никому не удалось спастись. К сожалению, не обошлось без жертв и с другой стороны.

— Но мы захватили бесценный трофей, — широко улыбнулся Салех. — Принц Зияд возглавлял тот отряд. Теперь этот пес в наших руках, — с гордостью добавил он, видя, как округлились глаза эмира. Это было, пожалуй, самой главной новостью. Самой важной.

— На обратном пути нас уже было много: те беженцы, кому было куда возвращаться, вернулись в свои дома, а те, чьи дома были сожжены и им некуда было вернуться, присоединились к нам и большим караваном прибыли в город вместе с отрядом, — завершил свой рассказ Салех, вспоминая о Шакре, которую по его личному приказу должны были отвести на кухню и накормить, а потом проводить в отдельную комнату и дать отдохнуть.

— Никто не останется без крова... Всем будет оказана помощь, — строго сказал эмир и жестко добавил: — А с мухсинами пора кардинально разобраться. Теперь у нас в руках главный козырь.

Часа через два оба брата стояли у окна, выходящего на задний двор. Там все еще было шумно и многолюдно, как на ярмарке, но был приказ эмира накормить беженцев и расселить их всех до захода солнца. Было видно, как людям раздавали еду из больших котлов, которые установили там же во дворе, а несколько подростков без конца сновали между ними, раздавая воду.

— Я смотрю, ты весь светишься... Это вид поверженных врагов на тебя так повлиял? Или есть другая причина? — усмехнулся Фалах, наблюдая за братом, который, о чем-то задумавшись, счастливо улыбался.

— Радуюсь, что наконец их испытания закончились, — серьезно ответил Салех, из последних сил стараясь стереть улыбку с лица.

— Давай, колись... кто у тебя там? — засмеялся мужчина, хлопнув брата по плечу.

— От тебя ничего не скроешь... — пробурчал Салех. — Как будто видишь насквозь.

— Зачем насквозь? Ты лицо свое видел? — усмехнулся Фалах.

— Уже две недели как не видел, в походе было как-то совсем не до лица.

— Посмотри... — не унимался Фалах. — Тебе понравится, ты даже его не узнаешь...

— Она там... — после некоторой паузы нехотя ответил он, кивнув головой в сторону двора.

Уже второй час как Салех лежал на кровати и все никак не мог заснуть, уже сотый раз рассматривал стены, углы, потолки, мебель... Ему всегда нравилась эта комната, в ней прошли его детство и юность... Совсем недавно, когда ему исполнилось двадцать, он переехал в свою резиденцию, которая располагалась в другой части города, но каждый раз, когда оставался во дворце на ночь, то с удовольствием ночевал в ней. Только не сегодня...

Сегодня все его мысли были совсем далеко, там, где в одной из комнат в это самое время спала Шакра... А может, и не спала вовсе, а точно так же думала о нем, вспоминала те немногие мгновения той единственной ночи в пустыне, когда они были вдвоем, когда он прикасался к ней, к ее волосам, лицу, а она, густо покраснев, смущенно опускала глаза... но ей это нравилось, он видел это, читал в ее глазах. Каждую минуту, каждую секунду думал о ней... вспоминал... ее губы, которые вспыхнули, стоило ему коснуться их своими, как чувственно раскрылись навстречу.

Вспомнив ту ночь, невольно улыбнулся — не думал, что способен на такие подвиги... Всю ночь рядом с ним лежала девушка... такая горячая, живая, красивая, а он, молодой, здоровый... горел желанием до утра, скрипел зубами и не мог заснуть.

Да-а... две недели воздержания — это все-таки слишком много... «Еще немного, и я начну бросаться на женщин», — мелькнуло в голове, когда он взглянул на свое достоинство, стоящее колом.

Салеху не терпелось забрать с собой Шакру и поскорее убраться в свою резиденцию... чтобы наконец, уединившись вдвоем, забыть обо всем на свете и просто наслаждаться друг другом, отдаваясь своим чувствам и желаниям... но были правила, которые даже он, наследный принц, не мог нарушить.

Ближайшие несколько дней у него были полностью расписаны, и он не мог покинуть дворец.

Предстояли встречи с горожанами, записанными к нему на аудиенцию, на которых он выслушивал их жалобы, помогал решать проблемы, оказывал им поддержку нужным словом, а иногда и материально...

Правитель созвал военный совет, на котором он был обязан присутствовать. Собирались обсуждать вопрос мухсинов, которые в последнее время распоясались, и нужно было срочно решать, что с этим делать... либо найти мирное решение вопроса... либо объявлять войну...

А в один из вечеров по случаю возвращения домой из военного похода живым и здоровым младшего сына — наследного принца — шейха Фатма собиралась устроить званый ужин, на котором будут присутствовать все представители высшего общества Хафрака. Пропустить, проигнорировать такое мероприятие Салех не мог... такое возможно только в том случае, если ты на смертном одре... или если уже покинул его и отправился в мир иной...

Правила и традиции Хафрака были настолько сильны, настолько глубоко вошли в сознание его жителей и укоренились в них, что стали частью их жизни, частью их самих... а их несоблюдение жестко порицалось, считалось вероотступничеством и приравнивалось к измене... Он как представитель этого народа знал это как никто другой... и старался соблюдать их по мере возможности.

Выйдя из покоев матери, куда отправился сразу после встречи с братом, Салех шел по длинному коридору дворца, не замечая ничего вокруг, мысли его были заняты Шакрой... Ему так и не довелось сегодня перекинуться с нею хотя бы парой слов... Как она? О чем думает? Как чувствует себя?

Нужно срочно что-то с ней решать, ее кожа все еще нуждалась в лечении и очень тщательном уходе... несколько дней в пустыне без каких-либо условий могли плачевно сказаться на ней, и потому, немного подумав, мужчина направился к единственному человеку, кому мог доверить ее и кто действительно мог бы оказать ей помощь.

— Маха... Эта девушка должна получить самый лучший уход и лечение. Никто не сможет сделать это во дворе лучше тебя... Ты столько лет являешься главной хранительницей гарема его величества, что в вопросах женской красоты и здоровья тебе нет равных в Хафраке.

Маха знала Салеха с рождения и очень любила, при встрече обязательно угощала его сладостями и баловала как могла... Всегда шутя обещала, что когда он вырастет, у него будет огромный гарем и она обязательно возьмет его управление в свои руки, на что мальчик неизменно отвечал, что когда он вырастет, то сделает ее своей наложницей, и она будет самой любимой и самой красивой женщиной в его гареме... Высокая, крупная, здоровая женщина лет за пятьдесят, которая, несмотря на свой возраст, обладала недюжинной силой, могла легко

свернуть шею любому мужчине, беззаветно преданная своему повелителю; услышав лестные слова в свой адрес, была очень тронута и растрогана.

— Мальчик мой... Я, конечно, рада помочь, — сказала она после некоторых раздумий.
— Но не все так просто.

— Что тебя беспокоит? Я сделаю все, что ты скажешь...

— Боюсь, что нет... Ты не пойдешь на это.

— Я согласен на все... Она нужна мне...

— Речь идет о женской коже, а она — самое нежное, самое важное, самое острое женское оружие, и чтобы всегда оставаться эффективным, должна быть в идеальной форме, — она многозначительно посмотрела на мужчину.

— Не уходи от ответа... Что я должен сделать? Говори...

— А знаешь... я видела ее...

— И каков твой вердикт?

— Буду с тобой откровенна... Чтобы никакие шрамы не уродовали ее лицо и руки, она должна получить все необходимое лечение, а это не только микстуры и мази, но и ежедневный массаж... и много чего еще, тебе не обязательно это знать... Рабыни из Северной Африки владеют божественной техникой массажа, благодаря которому наложницы твоего брата сохраняют свою молодость и свежесть... И вообще, ей потребуется профессиональный уход.

— Ты моя спасительница, Маха, — наконец вздохнул он облегченно. — Я всегда знал, что на тебя можно положиться...

— Но для этого она должна находиться здесь, — многозначительно взглянула на него, сделав паузу. — И дней через десять будет как новая.

— Что значит здесь? — нервно переспросил мужчина.

— Здесь, в гареме, под моим присмотром, — уверенно парировала она.

— Что? В гареме эмира? Ты себя слышишь?

— Да... именно в гареме... Я не вижу другого выхода.

— Это исключено...

— Согласна... это шепетильный вопрос...

— Нет... Это даже не обсуждается, — жестко ответил он.

— А я говорила тебе, что ты не пойдешь на это.

— А как ты себе это представляешь? Объясни мне, идиоту... может, я чего-то не понимаю...

— Как? Выделю ей небольшую комнату, самую дальнюю, куда никто не ходит, и заселю ее там... Я тоже иду на риск.

— Нет... Это не выход...

— И где, по-твоему, мне ее заселить? — спокойно поинтересовалась она.

— Во дворце куча комнат... да хотя бы моя, в конце концов... Пусть живет в ней.

— Ты понимаешь, о чем говоришь? Кто она тебе? Жена? — женщина вопросительно посмотрела на него и продолжила: — Нет. Наложница?

— А если и так? — упрямо парировал он.

— Так пусть живет в твоём доме, в твоём гареме, и никому никогда до этого не будет дела. А приводить с улицы женщин и открыто сожительствовать с ними во дворце на глазах у всех... шейха Фатма никогда не позволит такой разврат.

— Я поговорю с мамой... она мне не откажет.

— Салех... Ты наследный принц Хафрака и должен служить примером для своего народа, а не нарушать его вековые традиции и устои... Ты сколько угодно можешь говорить со своей матерью, но она никогда не пойдет на это.

— Хорошо... Твоя взяла... Я уступлю ей свою комнату, а сам временно переберусь в другую, — заговорил примирительно, радуясь, что нашлось решение проблемы.

— Это ничего не даст... Сплетни быстро распространяются, уже завтра весь халифат будет говорить об этом.

— Как ты не понимаешь, я против того, чтобы она жила в гареме эмира! — нервно выпалил он и, вскочив с кресла, в котором сидел, встал у окна. — Это слишком рискованно...

— Тогда заведи ее в свою резиденцию, и все проблемы сами отпадут.

— Она очень красивая... — примирительно произнес он.

— Пожалуй, в этом я с тобой соглашусь... Но что с того?

— Она необыкновенная...

— Ну... и что ты решил?

— Я не хочу, чтобы остались рубцы на лице, а такого опытного лекаря, как ты, у меня в резиденции нет. Понимаешь?

— Понимаю... Тогда решайся...

—

Ничего ты не понимаешь... Я боюсь ее потерять... Ты слышишь, боюсь... Мы любим друг друга.

— О Аллах, — тяжело вздохнула женщина. — Это видно и слепому, но чего ты хочешь услышать от меня?

— Хочу быть уверен, что за эти дни с ней ничего плохого не случится.

— Это я тебе обещаю, — кивнула она.

— Самое главное, — добавил он, впившись в нее взглядом. — Чтобы эмир не увидел ее.

— Не бойся, я велю ей не покидать своей комнаты и ни с кем не общаться. А служанке прикажу держать язык за зубами.

— Ей можно доверять?

— Послушай меня, мальчик мой. Я единственная, кто в этой ситуации по-настоящему рискует, причем всем, и если, несмотря ни на что, я соглашаюсь на эту авантюру, то делаю это исключительно ради тебя... и сама прослежу за всем.

Надо было срочно принимать решение, думать не было времени совсем. Шакра нуждалась в помощи, и он единственный, кто может помочь ей в этой ситуации... и, скрепя сердце и закрыв глаза на все риски, он наконец решился.

— Она почти неделю провела в пустыне без каких-либо условий, совсем уже слабенькая... Проследи, чтобы у нее было все необходимое... Ну... ты знаешь, о чем я...

— Не волнуйся, Салех... Все у нее будет в лучшем виде... И с ней все будет хорошо.

Когда караван неторопливо передвигался по городу, направляясь ко дворцу эмира, Шакра внимательно всматривалась в городские пейзажи, разглядывала улицы, дома, деревья в надежде увидеть хоть что-то знакомое, надеясь, что память может восстановиться, попав в знакомую среду, но все было тщетно... Все вокруг было чужое и незнакомое, и ни намек на то, что когда-то бывала здесь.

Стоило ей спуститься с верблюда, как к ней подошел худощавый подросток и предложил следовать за ним, сказав, что это приказ его господина. В старом мужском одеянии с чужого плеча и с закутанным в арафатку лицом она сама походила на долговязого подростка, и потому, не привлекая ненужного внимания, через небольшие двери, возможно для прислуги, попала во дворец и уже очень скоро, оставив позади незнакомые, полутемные длинные коридоры, оказалась в небольшой, красиво обставленной и очень уютной комнате. Ничего роскошнее никогда не видела в своей жизни... Широко открытыми глазами, в полном изумлении рассматривала

комнату, когда вошел тот же подросток и поставил на стол поднос с едой и сказал, что ей нужно поесть, а потом она может прилечь на кровать и отдохнуть. Это приказ господина.

После старой лачуги Мустафы и Нуран (а другого жилья она не видела) эта комната показалась пределом совершенства. Но эйфория продолжалась недолго. Немного поев, прилегла отдохнуть и тут же надолго заснула в чем была. Сказывалась усталость многодневного пути.

Проснувшись в полутемной комнате, поняла, что проспала весь день. Медленно спустив ноги с кровати на пол, осмотрелась в комнате; наверное, кто-то должен прийти и зажечь свечку, скоро будет совсем темно. «Интересно, чья это комната, может быть, Салеха?» — но тут же усмехнулась своим же собственным мыслям. Комната Салеха во дворце эмира? Ну конечно же нет... Интересно, где он сейчас?

Она не видела его с той самой минуты, когда караван вошел в главные дворцовые ворота и его статная, красивая фигура на породистом коне скрылась из виду. Вспомнив о нем, Шакра невольно улыбнулась, и на душе сразу стало тепло и спокойно. Как же сильно она успела соскучиться по нему: по его жгучему, пронзительному взгляду, по глубокому голосу, по гордой осанке... А перед глазами снова и снова воскресало то самое утро, от воспоминаний о котором её бросало то в жар, то в холод. Лицо мгновенно вспыхивало, а по телу разливались пульсирующие, томительные волны сладостного удовольствия.

Он подошел тогда со спины, почти невесомо...

— Шакра... как ты?.. Я так скучал по тебе... — едва уловимый, горячий шепот у самого уха.

Под ногами — прохладный, шелковистый песок, нежно ласкающий ступни. Кругом царил перевозданная тишина, и лишь глухие, частые удары их сердец нарушали безмолвие рассвета. Он взял её за руку, окончательно пленяя своим взглядом, и в следующее мгновение его губы вновь нашли её губы.

Этот поцелуй был иным — сильным, неистовым, до сладкой боли. Всё вокруг окутал предрассветный туман. Его голодные, требовательные губы накрыли её растерянный рот: он то увлекал её за собой нежной лаской, то жадно, почти исступленно кусал. Одной рукой Салех намертво прижимал её к своим бедрам, а другой властно перехватил затылок, притягивая к себе до упора, лишая возможности сдвинуться или сделать выдох. Он жадно ловил её тихие стоны, которые сами собой срывались с губ. Без лишних предисловий его язык уверенно проник в её рот — то мягко увлекая, то дерзко и глубоко подчиняя себе её дыхание. Губы, зубы, переплетение языков — всё смешалось в диком, упоительном угаре чувств. От его внутреннего жара Шакра загорелась, словно хрупкая свеча. Это было безумие; так её еще никто и никогда не целовал. Ноги подкосились, земля уходила из-под ног, а его пылающие поцелуи осыпали её лицо и шею так стремительно, что казалось — еще мгновение, и небо рухнет ей на плечи.

Но вдруг девственную тишину утра нарушил дикий, сдавленный рык, смешанный с глухим стоном.

— Нет... Нет... — стиснув зубы, Салех крепко, до судорожного спазма перехватил её бедра, вжимая девушку в свой напряженный пах, и отчаянно прижался губами к её плечу.

Вскрикнув от внезапного, острого натиска, она попыталась отстраниться, но не смогла даже пошевелиться — его налившееся тяжелым камнем желание непреклонно упиралось ей в живот.

— Нет... всё будет иначе, ты слышишь? — глухо прорычал он, борясь с собственным наваждением. — У нас с тобой всё будет совсем по-другому и не здесь... В мир чувственных наслаждений ты войдешь как королева — высоко подняв голову, окруженная роскошью и богатством, не стыдясь обнажить свою красоту...

Лишь через несколько минут, когда буря внутри него немного утихла, он наконец ослабил, бережно обнял её за плечи и запечатлел трепетный поцелуй на макушке.

Он не звал её за собой, не сыпал обещаниями, не принуждал и не сулил звезд с неба. Всё происходило как нечто само собой разумеющееся: его молчаливое, весомое предложение и её безмолвное, покорное согласие. Их глаза, обращенные друг к другу, в ту минуту говорили красноречивее любых слов.

А потом были несколько долгих дней в пути. Мучаясь от невозможности сократить разделяющее их расстояние, они неотрывно искали в толпе каравана знакомые силуэты, упивались редкими мгновениями близости и жадно, до боли пожирали друг друга взглядами...

— Я за вами... — в комнату вошла молодая девушка. — Мне приказано проводить вас в вашу комнату. Пожалуйста, следуйте за мной.

Быстро передвигаясь за девушкой по длинному коридору вдоль ряда больших окон, Шакра испытывала сильное волнение, которое никак не могла успокоить, как будто что-то важное должно произойти в ее жизни... В глубине души теплилась надежда, что это Салех послал за ней эту девушку... и они наконец встретятся. И снова мысли о нем успокоили ее и разогнали ненужные страхи.

В комнате сидела огромная грузная женщина угрожающего вида, но взглянув в ее глаза, Шакра не почувствовала страха или беспокойства; скорее в них читались деловитость и спокойствие.

— Здравствуй, Шакра, проходи, — женщина внимательно наблюдала за ней, подмечая каждую мелочь: движение, взгляд, вдох. Было интересно, чем же так зацепила принца эта девушка, одетая в мужские лохмотья и выглядящая как попрошайка на рынке. Она сидела в кресле и рукой указала на кресло напротив.

— Здравствуйте, — девушка не стала спрашивать, откуда ей известно ее имя: это было очевидно, значит, это Салех.

— Я Маха, слежу за всем, что творится в этом крыле дворца... Главная его хранительница. Это женская, особо охраняемая территория, поэтому ты можешь ничего не бояться. Здесь ты в безопасности.

— Спасибо... А зачем я здесь?

— Считай, что ты в клинике, а это твоя палата, в которой ты будешь временно проживать... А с завтрашнего дня начнем лечить твою кожу.

Маха прошла по помещению, притрагиваясь поочередно ко всем комодам, шкафам, сундукам, показывая, что она может всем этим пользоваться. Голос женщины был ровный и даже слегка строгий.

— Спасибо, — немного растерялась.

— Только запомни: тебе нельзя выходить из этой комнаты. В твоём распоряжении будет все необходимое, а если что-то захочешь — обращайся к служанке, она всегда будет рядом.

— Целыми днями? А почему мне нельзя выходить? — Шакра растерялась: разве Салех не придет за ней? Но решила пока не спрашивать.

— Твоя кожа очень пострадала, ты ведь и сама это видишь. Любой контакт с внешним миром — это угроза попадания микробов в открытые ранки, что приведет к нагноению, после чего останутся рубцы на всю жизнь... Тут уж я ничем не смогу тебе помочь.

Вытянувшееся лицо девушки с застывшим ужасом в глазах говорило красноречивее любых слов. Ее слова нашли понимание. Женщина облегченно вздохнула и добавила:

— Также тебе нельзя находиться на солнце, от этого зависит эффективность твоего лечения.

Маха не стала говорить всей правды. Она не разделяла обеспокоенности Салеха. В конце концов, эта девушка не хуже и не лучше всех остальных женщин эмира, и потому, даже если он ее и увидит, то вполне возможно, спокойно пройдет мимо и не заметит ее.

— Не волнуйся, Салех тебе потом все объяснит.

— Хорошо...

— Есть еще вопросы?

— А Салех? Я могу с ним увидеться?

— Этот вопрос уже не ко мне. Но если других вопросов нет, то раздевайся и бросай в кучу все свое тряпье. — Открыв дверцу одного из платяных шкафов, коснулась наряда, висевшего на вешалке. — Это твоя джалабия (араб. свободное женское платье), оденься. Тебя проводят в хамам (араб. баня), там тебя уже ждут. Расслабься, получай удовольствие, тебя отмоют, вычистят, приведут в порядок... А я зайду к тебе завтра утром.

Шакра не могла скрыть своего восхищения, стоило ей только попасть в хамам. Огромный зал из белого мрамора, в самом центре которого стоял небольшой фонтан, вода из которого каскадами падала вниз. В стенах находились неглубокие ниши, в которых, возможно, иногда сидели девушки после всех процедур, опустив ноги в воду и, наверное, общаясь друг с другом, пили прохладительные напитки или кофе... В следующем зале располагались бассейн и джакузи. Дальше в ряд шли парные и массажные комнаты...

В каждом из залов в небольших нишах на стенах стояли дымящиеся серебряные курильницы с благовониями. Повсюду царил роскошный аромат арабского бахура вперемежку с ароматами сандалового дерева.

Ее встретили две молодые крепкие марокканки и провели в парную... и вдвоем взялись за дело. А уже часа через два, чистая, благоухающая, после сеанса потрясающего массажа с использованием всевозможных заживляющих кремов и ароматических масел, отдохнувшая, она полулежала в блаженстве на бамбуковом шезлонге, пила тонизирующую кахву (араб. кофе) и осторожно возвращалась к жизни.

Проснувшись, Шакра не сразу открыла глаза и, как каждое утро, продолжала наслаждаться нежными звуками невероятно красивой мелодии из сна... где тонкие изящные пальцы снова и снова бегали по черно-белым клавишам и издавали волшебные звуки... Но никогда не видела ни лица, ни тела... только руки... быстрые, легкие, красивые женские руки...

Открыв наконец глаза, сразу повернулась к окну — было еще совсем раннее утро. Первые солнечные лучи едва пробивались сквозь густые заросли больших ухоженных деревьев в парке, куда выходило ее окно и куда она с легкой тоской смотрела в любое свободное время.

Как же хотелось просто выйти наружу и надышаться свежим прохладным воздухом, побродить по безлюдным аллеям, пройтись ладонью по зеленой поверхности травы, чувствуя их прохладу, присесть на бортик возле фонтана, опустить руки в воду и блаженствовать, наслаждаясь приятными ощущениями... Она бы еще долго так сидела и мечтала, сон пропал совсем... И спустившись с кровати, встала у окна.

Уже бесконечных девять дней она сидит как в заточении в четырех стенах, не общаясь ни с кем, кроме пары слов, которыми обменивалась с Махой и служанкой, ограничив свой мир пределами этой комнаты. Хотя, говоря откровенно, совсем не хотелось общаться с этими ухоженными, холеными, красивыми женщинами, за которыми иногда наблюдала из своего вынужденного заточения... они ее пугали, впрочем, как и весь внешний мир, с которым не чувствовала единения.

Единственная радость — свидания с Салехом поздно вечером в самой дальней беседке в глубине сада. Целыми днями все мысли о нем, время тянулось бесконечно долго в ожидании этих встреч... Но зато как вознаграждение за долгие ожидания — феерические встречи с

любимым почти до самого утра... не размыкая своих объятий, губы горят от его поцелуев, а в ушах хриплый шепот, от которого мурашки по телу и замирание сердца...

— Всего несколько дней... потерпи... несколько дней всего осталось, — шептали его губы ей в губы. — Твои раны уже почти зажили, и шрамов не осталось... и вообще, кожа как у младенца... Мы уедем отсюда и будем жить в моем доме. Он большой и красивый... Я уверен, тебе понравится... Наконец нам не придется прятаться и скрываться... Никто не будет нам мешать... Никто... Мы будем с тобой вдвоем... Только ты и я... Я тебя очень люблю...

— Я тебя тоже... очень... очень люблю...

Уткнувшись лицом в стекло, снова с тоской посмотрела на красоту за окном. Если ей нужно скрываться от солнечных лучей, то сейчас, в такую рань, ей точно ничего не угрожает. Да и, судя по отражению в зеркале, кожа уже зажила... Тем более что оживление в парке наступало ближе к обеду, когда женщины просыпались и выходили прогуляться. Значит, можно выйти незамеченной никем и наконец немного пройтись.

Все оказалось даже лучше, чем она думала. Воздух в парке среди цветущей зелени, да еще в такую рань, оказался гораздо теплее, мягче и приятнее, чем по ночам. К ее удивлению, здесь оказалось огромное количество удивительных экзотических птиц, которые держались небольшими стайками и время от времени перелетали с одного дерева на другое. Она слышала их голоса в темноте, но никогда не видела.

Вдоволь нагулявшись босиком по тенистым аллеям, зацепив пальчиком легкие сандалии и наслушавшись пения и просто криков экзотических птиц, девушка прилегла на влажный бортик небольшого фонтана. Одной рукой подперев голову, вторую опустила в воду и стала медленно водить из стороны в сторону. Легкое шелковое платье сразу промокло насквозь, но это совсем не смущало ее: под мелодичное журчание хрустальных струй, непрерывно падающих вниз с небольшого постамента в виде тюльпана, впервые за долгое время Шахра наслаждалась красотой и спокойствием.

Это было слишком хорошо и как будто знакомо... как будто точно так же она уже лежала у фонтана в тени больших деревьев, слушала звуки природы и плескалась в воде... Кто знает, может быть, это действительно уже было когда-то с ней в прежней жизни, но память никак не хотела приоткрыть завесу своих тайн, и дверь в собственное прошлое все еще оставалась наглухо закрытой для нее...

Шейха Фатма, как всегда в течение всей своей жизни, встала очень рано, с первыми звуками утреннего азана, доносившимися из большой мечети, расположенной недалеко от дворца, и, помолившись, вышла из своих покоев. Она любила пройтись по коридорам дворца одна, без сопровождения в лице советника или секретаря, наблюдая, все ли в чистоте и порядке, все ли в должном виде, цепким взглядом отмечая все, что требует особого внимания со стороны прислуги или охраны, и давая четкие указания мажордому по устранению недостатков и недочетов. Это была ее многолетняя привычка, отказываться от которой она не собиралась.

В этой половине дворца располагались покои королевы-матери, окна которых выходили в большой роскошный парк с тысячами экзотических деревьев, растений, птиц, десятками беседок, увитых зеленью, лавочками в тенистых аллеях с изящными фонтанами. Это был закрытый парк, который располагался между двумя крыльями восточной части дворца: с покоями эмира с одной стороны и его матери — с другой. Вход в него был только из гарема повелителя и только для его многочисленных наложниц. Для всех остальных смертных доступ в него был ограничен.

Как обычно, перед тем как выйти из своей спальни, женщина встала у открытого окна, любуясь красотой парка... Она часто это делала, вид цветущей зелени и пение птиц благотворно влияли на ее настроение и общее состояние. Как вдруг ее взгляд привлекла необычная

картина. У фонтана, прямо у самой воды, лежала девушка, ее длинные светлые волосы рассыпались по бортику, подол длинного легкого платья болтался на полу. Было странным видеть ее там: наложницы обычно спали до обеда и нежились только в согретом полуденным солнцем фонтане. Что заставило ее подняться в такую рань, да еще выйти в парк и плескаться в прохладной воде? Раньше ей не доводилось видеть такое.

Девушка медленно поднялась, спустила на пол босые ноги и встала. Платье было полностью мокрым и плотно облегало стройное тело, но она не замечала этого. Подняв лицо к небу и закрыв глаза, стала медленно приглаживать растрепанные влажные волосы. Значит, у девушки была бурная ночь, и теперь ей никак не спится от эмоционального перевозбуждения... Н-да... Ох, Фалах... Фалах... — улыбнулась женщина и уже собиралась уходить, но что-то привлекло ее внимание.

Напротив, у окна своей спальни, стоял Фалах и напряженно смотрел в парк. Лицо его было удивленным и каким-то странным. Он не сводил заинтересованного взгляда с таинственной девушки, которая как будто наслаждалась свежестью раннего утра и никуда не спешила. Это-то и показалось странным: он слишком пристально и внимательно рассматривал ее, свою наложницу, с которой,

возможно, и провел всю ночь... Но, судя по лицу сына, стало очевидным, что не она была до утра в его постели... Но с чего к ней такой неподдельный интерес? Кто она? Новая наложница? Никто другой там просто физически не мог оказаться... Не слышала о такой, женщина была в курсе всего, что происходило во дворце. Но кто тогда? Привлечь внимание Фалаха мог только племенной породистый скакун или особая редкая порода соколов для охоты... но женщина? Она хорошо знала своих сыновей...

Но вдруг взгляд ее привлекло движение на первом этаже: у одного из окон стоял Салех с горящими глазами и, усиленно жестикулируя, пытался привлечь внимание девушки, но она его не замечала, устремив свой взгляд куда-то далеко, а легкий прохладный ветерок освежал лицо и мягко развеивал ее шелковистые волосы...

В сердце неприятно кольнуло... Оба ее сына не сводили заинтересованных глаз с загадочной незнакомки... Оба увлечены одной и той же женщиной? Не приведи Аллах... Это был дурной знак... ни к чему хорошему это не могло привести...

Ладно Салех, он парень влюбчивый, его можно понять... но холодный и бесчувственный Фалах... в чем-то даже расчетливый и циничный, для которого женщина не больше чем предмет для снятия стресса... Чем она могла так его заинтересовать?

В сердце что-то резко кольнуло от дурных предчувствий... Неужели Салех увлекся женщиной Фалаха, да еще той, к которой, судя по его лицу, он и сам равнодушен... неужели ему своих женщин мало?

О Аллах, — тяжело вздохнула женщина. — Избавь нас от скандала...

Уставшая после долгой прогулки, но посвежевшая, с легким румянцем и счастливой улыбкой на лице, Шакра неторопливо пересекала большой холл гарема, который был задуман как райский сад: с колоннами, небольшими водопадами вдоль стен, высокими, с человеческий рост, вазами из оникса, лавочками между колонн у воды и множеством пестрых благоухающих цветов. Погруженная в свои мысли, она не замечала ничего вокруг...

Вдруг чья-то высокая фигура вышла из-за колонны и шагнула навстречу к ней. Вдрогнув от неожиданности, девушка замерла на месте. Черные сверкающие глаза смотрели в упор, пригвоздили ее к месту, как будто обладали какой-то дьявольской силой, лишаящей способности двигаться и мыслить. Не отводя пронизывающего насквозь взгляда, он медленно, как в замедленной съемке, достал из ее волос красный цветок, который она сорвала в парке и воткнула в волосы, и поднес к своим губам. Под его пугающим взглядом стало холодно и неудобно, спину

окасило ледяной волной. Хотелось опустить глаза, отвернуться, провалиться сквозь землю, но он полностью завладел ее взглядом, волей, даже разумом... Его взгляд опустился ниже, задержался на губах, в глазах что-то сверкнуло; неторопливо прошелся по шее, плечам, задержался на груди, почти просвечивающей сквозь влажную ткань платья, которое не успело обсохнуть и местами прилегало к телу... Едва заметная улыбка коснулась губ... Скользнул по стройным ногам — успел заметить, как она нервно отдернула мокрый подол — и поднял глаза...

— Прекрасная гурия спустилась из райского сада... — усмехнулся мужчина.

Девушка молчала, подняв на него глаза.

— Может, небожители не говорят на арабском?

— Говорят... — едва слышно прошептала она.

— И кто же ты, прекрасная гурия? — прозвучал спокойный уверенный голос.

Высокий плечистый мужчина в белоснежной кандуре, на фоне которой его смуглая кожа казалась еще темнее, подошел совсем близко и встал перед ней, преграждая ей путь. Отшатнувшись назад, она спиной уперлась в холодный мрамор колонны и осторожно подняла глаза.

Гордая посадка головы, короткие, небрежно откиннутые назад черные волосы, такие же черные, как его дьявольские глаза, четко очерченные брови, орлиный нос, слегка тронутые улыбкой полные чувственные губы и аккуратная борода. Во всем его облике сквозила уверенность человека, обладающего неограниченной властью и привыкшего к неукоснительному подчинению. Было в нем что-то пугающее, демоническое — казалось, он способен одним взглядом остановить беснующуюся толпу и опустить на колени.

«Наверное, про таких говорят "властелин мира"», — пронеслось некстати в голове. А было в нем еще что-то неуловимое, что-то знакомое, как будто уже видела его или кого-то похожего...

— Что ты молчишь? — донеслось до нее.

Вжавшись в колонну под его тяжелым взглядом, она напряженно стояла, боясь пошевелиться или отвернуться... Он держал ее взгляд, ощущал ее страх и чувствовал свою власть над ней.

Маха говорила, что здесь ей бояться нечего, что это женская часть дворца и мужчинам сюда вход запрещен. Но как здесь оказался этот «властелин мира»? Кто он? Вор? Убийца? Кричать бесполезно... Даже если он сейчас убьет ее, никто не услышит... всё еще раннее утро, и все спят...

— Шакра, — ответила негромко.

— Шакра? — переспросил он удивленно, даже с какой-то иронией. — Какое говорящее имя... Оно вполне соответствует тебе. — И, пощупав небольшую прядь ее волос, медленно пропустил между пальцев. — Откуда ты, Шакра? Кто ты?

— Я не знаю. — Способность говорить постепенно возвращалась к ней, но мысли все еще были парализованы страхом.

— Ты не знаешь, кто ты? — недоверчиво спросил, не давая ей отвести взгляда.

— Я не помню... Я потеряла память.

— Ты потеряла память? — снова переспросил он недоверчиво. — То есть ты ничего не помнишь о своей жизни?

— Нет...

— А что ты знаешь о себе?

— Почти ничего. Знаю только, что меня нашли на берегу и вывели.

— На берегу? То есть ты попала в Хафрак с караваном беженцев?

— Да.

— А как ты оказалась во дворце? У тебя, наверное, есть всемогущий покровитель? Кто он такой? Что ему нужно?

Оцепенение постепенно проходило, уступая место злости.

— Что ты молчишь? И кто же твой таинственный покровитель? — настойчиво переспросил он.

— Я устала... Пожалуйста, дайте мне пройти в свою комнату. — Она оттолкнулась спиной, но тяжелая мужская рука опустилась на плечо и придавила ее к колонне.

— Здесь у тебя даже комната есть своя? — он как будто издевался над ней.

— Что вы хотите? Отпустите меня! — возмутилась она.

— Для человека, потерявшего память, ты держишься слишком уверенно, ты не находишь? Или все-таки что-то помнишь, но только то, что нужно тебе? — усмехнулся он.

— Уберите свою руку... Я буду кричать! — Она не теряла надежды, что охрана услышит ее и наконец объявится.

— И твой покровитель прибежит на помощь? Конечно, если не спит, досматривая влажные эротические сны. — Опять усмешка.

— Кто вы такой? Что вам нужно? Дайте мне уйти! — Опустив голову, быстро пошарила глазами в поисках пути для спасения.

— Думаю, несложно догадаться, что нужно мужчине, когда перед его взором предстает прекрасная гурия... — На шею легла крупная ладонь, большой палец потерся о скулу и неторопливо, слегка надавливая, заскользил по коже, по каждой черточке ее испуганного лица.

— Не трогайте меня... Я закричу, — прошептала она, впадая в панику от дурных предчувствий. Палец задержался на ее губах, обвел по контуру, слегка надавил, наслаждаясь их чувственной припухлостью... и беспрепятственно проник ей в рот.

— Кричи, — сказал негромко, подойдя еще ближе. Жар черных глаз обжигал, проникал под кожу... хотелось бежать, скрыться... — Кричи... Что ты молчишь? А может, тебе понравилось и ты передумала? — прошептал ей в самое ухо.

Дыхание стало неровным, рваным... губы бессильно дрожали, но ни крикнуть, ни сбежать не смогла... Напряженное тело стало чужим, непослушным, как будто ее парализовало, как будто он имел над ней власть... Только полные ужаса глаза, как два огромных озера, неотрывно смотрели на него.

— Аюни (араб. глаза мои), — уловил ее напряженный слух, и крепкая рука уверенно зашла ей за спину, пальцы сжали затылок, притянули к себе, горячие губы прижались к губам...

Она с трудом вспоминала, что было дальше... Взвизгнув, оттолкнула его — вероятно, он не ожидал от нее такой прыти, а может, просто не хотел пугать и дал ей возможность уйти... — и побежала, не разбирая дороги, чувствуя на спине его огненный взгляд, а на дрожащих губах — жар его губ...

Через полчаса шейха Фатма уже владела той мизерной информацией о таинственной девушке, которая была известна о ней.

— Маха... Кому вообще пришла эта идиотская идея в голову? — возмущалась шейха Фатма. — Ладно Салех... он молодой, не понимает, а ты о чем думала? Это же надо было поселить ее в гареме эмира...

— Простите, госпожа... Я виновата, это была моя идея... Признаюсь, не самая хорошая.

— А сама... как она отреагировала на это?

— Она не знала об этом. Я ей не сказала...

— Чего не знала? Не знала, что это гарем?

— Нет...

— Что-то в это мало верится... Ты сама-то веришь в это?

— Я поселила ее в самой дальней комнате и велела не выходить из нее...

— И что же? Судя по тому, что я увидела, она не очень старалась следовать твоим указаниям. — Шейха не скрывала своего недоверия.

- Она ни с кем не общалась и совсем не знала о том, кто проживал в соседних комнатах.
- Хм... Потеряла память, говоришь? Очень интересно... А может, она шпионка, и эта вся чушь о потере памяти — лишь хорошо продуманная легенда, чтобы приблизиться к эмиру?
- Служанка все время следила за ней и подслушивала. Я решила перестраховаться, так как не владела никакой информацией о ней... Да и со слов Салеха, он знал не больше...
- И как? Есть результаты?
- Сегодня утром она впервые покинула пределы своей комнаты. Служанка и я — единственные, с кем она общалась. — Чтобы избежать гнева королевы-матери, Маха не стала говорить ей о том, что Салех и незнакомка каждую ночь встречались в саду и подолгу проводили время вместе.
- О чем она говорила?
- О том, как ее нашли на берегу, и о жизни в Маруре... Эта девушка совсем немногословна.
- Ничего удивительного. Было бы странным, если бы она трепалась без умолку.
- Но она и не спрашивала ни о чем. Ничего не выведывала.
- Выжидала момент, — безапелляционно заявила шейха. — И что ты о ней думаешь?
- Сложно сказать... На мой взгляд, она не производит впечатление коварной соблазнительницы.
- Значит, достаточно умна и опытна... Знает, что делать.
- В таком случае она хорошая актриса и блестяще справляется со своей ролью... А может, и вправду ничего не помнит, — развела руками Маха.
- Не могу сказать ничего определенного.
- Ты же говорила с ней... Кто она? Неужели нет никаких мыслей?
- Явно не из простолюдинок. Ровная спина, прямая шея, плавные движения, манеры, нежные руки... Даже на ступнях кожа нежная... без мозолей и натоптышей.
- Это ни о чем не говорит. И в высшем обществе встречаются алчные, беспринципные люди.
- Маловероятно, что обеспеченная девушка из приличной семьи пустится в такую опасную авантюру... Слишком рискованно, пустыня не прощает ошибок.
- Ей могли хорошо заплатить... В конце концов, все имеет свою цену.
- Думаю, если бы это было так, то ее хотя бы одели поприличней, — со знанием дела ответила женщина. — Если бы вы только видели, в каких она была лохмотьях.
- Специально оделась, чтобы не вызвать лишних подозрений... Соответственно своей легенде.
- Но надо быть полной дурой, чтобы планировать соблазнить принца в таком виде.
- Ох... — вздохнула женщина. — Чувствует мое сердце, она не так проста, как хочет казаться... Не успела появиться, а уже обоих моих мальчиков в оборот взяла.
- Может, все еще обойдется и окажется, что она всего лишь жертва обстоятельств, которые привели ее сюда, — с надеждой произнесла Маха. — А интерес к ней объясняется очень просто: ее экзотичной внешностью, непохожестью на местных женщин, а все остальное — как и у всех. — Она непроизвольно махнула рукой. — Вполне возможно, что оба мужчины очень скоро забудут о ней.
- Мне скандалы в семье не нужны, — жестко произнесла шейха, выделяя каждое слово. — Надо как-то исправлять эту ошибку. Одна надежда на то, что эмир не придаст ей большого значения и уже потерял к ней интерес...
- Я сделаю все, что вы скажете, госпожа.
- Собери ее вещи... Я поговорю с Салехом: если она ему действительно нужна, то пусть забирает ее отсюда и делает с ней все, что захочет, но в своей резиденции... В любом случае, чтобы к вечеру ноги ее не было во дворце... Я не хочу больше слышать о ней...

— Кто эта женщина? — Лицо повелителя было, как всегда, холодным и бесстрастным.

Маха уже тысячу раз пожалела о том, что ввязалась в эту авантюру, а теперь думала только о том, чтобы выйти из нее с минимальными потерями. Она вкратце рассказала ему все, что знала, только упустив разговор с шейхой Фатмой и то, что должна выселить девушку уже сегодня.

— Действительно потеряла память? — Его острый взгляд, казалось, пронзил лицо женщины насквозь.

— Простите, мой господин, это она так сказала.

— Хм... — хмыкнул он неопределенно.

По правилам, любая женщина, перешагнувшая порог гарема, должна пройти тщательный медосмотр. Маха старательно проводила его вместе со своими помощницами, а интимные места всегда проверяла лично сама.

— Ну... и что показал твой осмотр?

— Она девственна, мой господин. Я лично проверяла. Все в порядке.

— Да? — Мужчина не скрывал своего удивления.

— Видимо, они не были близки, — посмела озвучить свое предположение женщина и тут же осеклась, наткнувшись на его суровый взгляд и поняв, что сказала лишнее.

— Засели ее в большой комнате наверху, отныне она будет жить там.

От неожиданности женщина замерла, предчувствуя, к чему может привести ее необдуманный поступок. Эта комната находилась на одном этаже с повелителем, рядом с его спальней, и предназначалась только для главной фаворитки. События принимали совсем неожиданный оборот. Такого в ее долгой практике еще не было.

Как могло такое случиться? Как на это отреагирует Салех? Чувства девушки ее не волновали совсем... В любом случае, это было пределом мечтаний для любой женщины — стать главной фавориткой эмира Хафрака... хотя это был явно не тот случай. Салех с Шакрой любят друг друга, и Маха даже не представляла, что с ними будет, когда они узнают об этом.

Но самой сложной задачей для нее был предстоящий разговор с шейхой Фатмой, потому что она чувствовала свою вину и знала, что шейха обязательно упрекнет ее в этом.

Случилось то, чего королева-мать боялась больше всего: между ее любимыми сыновьями встала женщина, и теперь она станет причиной большого конфликта в семье, который может рассорить их и развести по разные стороны... Сегодня у Хафрака немало врагов, но никто из них не решится пойти войной на него, потому что он достаточно силен. А если брат пойдет против брата, начнется междоусобица, то враги не преминут этим воспользоваться, и некогда могущественный халифат станет для них легкой добычей.

Шакра нервно вышагивала по комнате из угла в угол, вздрагивая от каждого шороха, от каждого шума, доносящегося из-за двери, в ожидании неизвестного монстра, который почему-то решил, что имеет право присвоить ее себе и сделать своей сексуальной игрушкой.

Ей оказана великая честь: она теперь главная наложница эмира и должна ублажать своего высокородного господина в постели — и не только в постели, но и где только он пожелает и когда пожелает... то есть в любое время дня и ночи. И будет жить в этой огромной роскошной комнате по соседству со своим господином... Ей оказана великая честь, и она должна гордиться этим...

«Ненавижу... Ненавижу...»

Захлебываясь от рыданий, хватала диванные подушки и с силой швыряла их по комнате. Почему? За что? Как такое возможно? Она не могла этого понять, скорее даже принять. Неважно, кем она была в прошлой жизни и ЧТО ее память так тщательно от нее скрывает, но в глубине души чувствовала, что она другая — может быть, из другого мира, может быть, слеплена из другого теста, потому что мыслит, воспринимает и видит все не так, как окружающие ее люди, а иначе, по-другому... И никак не может позволить кому бы то ни было распоряжаться своей судьбой... Но никто ничего толком не объяснил...

— Теперь, Шакра, ты будешь жить в этих роскошных, в одних из самых богато обставленных покоев во дворце, — сказала Маха, проводив ее в огромную незнакомую комнату.

— Что это значит? — удивленно выговорила девушка.

— Тебе оказана высокая честь, Шакра: его величество шейх Фалах — эмир Хафрака — выбрал тебя своей главной наложницей. Ты должна гордиться этим. — Обычно спокойная, уверенная в себе Маха была явно чем-то взволнована и произносила невпопад какие-то высокопарные слова. — Далекое не каждой женщине может так повезти.

— Какой шейх? Какая наложница? О чем вы говорите?

— Ты должна благодарить Всевышнего за то, что тебе так повезло.

— Маха... Пожалуйста, объясните мне наконец, что происходит? — взмолилась она, взяв женщину за руку и со слезами обращаясь к ней.

— Чего ты хочешь услышать? Раны твои зажили, и ты уже совершенно здорова. С сегодняшнего дня у тебя начинается новая счастливая жизнь.

— Где Салех? Он знает об этом? Помогите мне с ним увидеться... Пожалуйста!

— А вот про Салеха, девочка моя, забудь... И чем быстрее ты это сделаешь, тем лучше для тебя... Его больше не будет в твоей жизни...

— Что значит «забудь»? Что значит «Салеха не будет в моей жизни»? О чем вы говорите? Это не вам решать...

— Ну что ты? Я и не пыталась. Это решение повелителя. — Вздохнула тяжело. — Тебе придется подчиниться. У тебя нет выхода.

— Это вы так думаете! А я все равно найду выход и выберусь отсюда!

Маха задумчиво покачала головой и направилась к выходу, но в дверях обернулась:

— Я не знаю, откуда ты родом, но ясно, что не арабка, и восточный мир чужой для тебя... Послушай меня и запомни: не пытайся бороться с нашим миром. Он создавался тысячелетиями, тебе его не изменить и не переделать... Если ты пойдешь против, то он просто раздавит тебя. А если сумеешь стать умной и подстроиться под него, то, поверь мне, ты многое выиграешь от этой ситуации и в итоге выйдешь из нее победителем. Но только если будешь думать головой, помни об этом, это не просто слова... Сейчас твоя судьба в твоих руках, и от тебя зависит ее исход.

Как только за женщиной закрылась дверь, Шакра мгновенно ринулась следом. Нет, она ни секунды не останется здесь... ни за что... просто сбежит из дворца, найдет возможность передать весточку Салеху. Никто ей не нужен, кроме него, они обязательно встретятся... К ее ужасу, дверь оказалась заперта на ключ... и ни крики, ни слезы, ни мольба о помощи, ни увещевания, ни отчаянные стуки по двери не увенчались успехом... Дверь оставалась наглухо запертой...

Девушка ни секунды не сомневалась, что это всего лишь случайное недоразумение, глупая шутка, розыгрыш, и очень скоро все прояснится, и они вдвоем, вместе с Салехом, еще долго будут смеяться над всем этим. Пока ближе к вечеру за дверями не появился он сам...

Салех знал, что Шакру переселили на верхний этаж, в комнату главной фаворитки эмира, рядом с его покоями. Случилось то, чего он боялся больше всего, но никак не мог понять, как такое могло произойти. Он знал, чувствовал, что Фалах не прошел бы мимо такой женщины, как Шакра, обязательно обратил бы внимание... Но как брат узнал о ней? Как? Значит, кто-то доложил ему о том, что в его гареме находится чужая женщина, сам он точно не мог ее увидеть... Маха тщательно следила за тем, чтобы никто не узнал о ней... но кто? Кто это мог быть? Может, сама Маха захотела выслужиться перед своим повелителем? Нет... Только не Маха... Кто угодно, только не она... никогда она не пошла бы на это... Но теперь уже неважно.

Теперь Шакра и Фалах вместе... Он не мог думать больше ни о чем другом, только о том, что его женщина, его Шакра, которая еще вчера говорила, что любит его, теперь с другим мужчиной. С его же родным братом... С его любимым, единственным братом... Как же он ненавидел его сейчас... люто ненавидел... и жутко ревновал. Его родной брат и любимая женщина... Теперь они вместе.

Между ними разница в возрасте восемь лет, и всю жизнь, с самого рождения, Салех получал всё, что хотел. Он был избалованным мальчиком, но самым главным его защитником всегда был он — старший брат. Мог сам пострадать, потерять, лишиться, но последнее отдавал младшему... Фалах заменил ему отца, был самым близким ему по сути человеком. Но почему же теперь он поступил с ним так, как заклятый враг... почему?

Он не может так поступить с ним... с ними...

Салех пытался держать себя в руках, мысленно анализируя ситуацию и оправдывая брата тем, что тот не знал, что эта белая женщина не случайно оказалась во дворце и

что она принадлежит ему — наследному принцу... Но у него слабо получалось... Он поговорит с Фалахом, объяснит ему, что Шакра — его женщина, и он не собирается ее уступать никому, даже эмиру Хафрака. Сегодня же увезет хабибти из дворца в свою резиденцию и отгородит ее от всего света, чтобы уже никто и никогда не претендовал на нее... на его Шакру...

Мужчина и не заметил, как оказался в восточном крыле дворца, где находились покои эмира. Никто, никакая стража не посмеет остановить наследного принца... и нет двери в Хафраке, которая не откроется перед ним. Но, как оказалось, самая главная, самая важная для него дверь, единственная, оказалась запертой.

— Хабибти... милая... Я знаю, что ты здесь... — Он уткнулся лбом в дверь... За ней стояла тишина. — Шакра... Хабибти... — Мощный удар кулаком... Едва уловимый вздох донесся до его напряженного слуха. — Шакра... Шакра... Не молчи... Ответь... — Снова сильный удар.

— Салех? Это ты? Салех... Я здесь... Салех...

— Открой, Шакра! — От ее голоса ему стало немного легче.

— Салех... Я знала, что ты придешь... знала...

— Открой... Ты слышишь?

— Но я не могу.

— Не бойся... Я не сделаю тебе ничего плохого... Я только хочу поговорить с тобой...

— Салех... милый... я никогда не сомневалась в тебе... Я знала, что ты придешь за мной...

Знала... Я ждала тебя... — раздался дрожащий голос.

— Я здесь... Я рядом... Открой, хабибти...

— Я не могу ее открыть... У меня нет ключа.

— Тебя заперли?

— Да.

— Против твоей воли? — мужчина мгновенно напрягся.

— Что? Что ты сказал? Как ты мог подумать?

— Прости... Не знаю, что на меня нашло... Я не хотел тебя обидеть... Прости...

— Салех... Что происходит? Ты можешь мне объяснить? Я ничего не понимаю... — голос дрогнул.

— Хабибти...

— Забери меня отсюда... Прошу тебя... Забери, увези хоть куда, — голос прерывали рыдания. — Только не оставляй меня здесь... Не бросай...

— Не плачь, Шакра... Я поговорю с ним, он не сможет мне отказать.

— Салех... ты же сильный, я знаю... сделай что-нибудь... Пожалуйста...

— Ты только не плачь... Ты и так уже настрадалась... Я что-нибудь придумаю, ты слышишь, я обязательно что-нибудь придумаю.

— Салех... Ты меня любишь?

— Да... очень.

— Нет, не так... Скажи, что ты меня любишь... Салех... Скажи... Мне надо это слышать, — шептала она сквозь слезы.

— Хабибти... Милая... Я очень тебя люблю... Очень... Верь мне... — но, громко рыдая, она уже не слышала ничего.

Вечером Салех попытался поговорить с Фалахом, но перед ним уже был не брат, а эмир Хафрака, и разговора не получилось. Мужчина жестко осадил его, сказав, что не собирается ни с кем обсуждать свою личную жизнь. А Салеху посоветовал заняться более важными делами — делами государства, которые входили в круг его обязанностей и требовали его непосредственного участия, а не терять время на всякие глупости...

К завершению этого бесконечного дня, когда служанка вошла в комнату к Шакре с подносом, она нашла обед, который приносила девушке еще днем, нетронутым. Поднос так и стоял на столе, на том же самом месте, где его оставили. Главная фаворитка сидела на полу в углу, обхватив руками колени и уткнувшись в них лицом. В ее практике такое было в первый раз: чтобы самая любимая женщина великого эмира сидела в углу и оплакивала свое положение. Она отлично знала, что для многих женщин в халифате поселиться в этой комнате было пределом мечтаний.

— Сайидати (араб. госпожа), — обратилась она к Шакре, — нельзя сидеть голодной весь день. Вам нужно обязательно поесть. Я принесла вам ужин. Попробуйте, вам понравится.

— Спасибо. Оставь на столе. Я потом поем, — несмотря на рыдания, душившие ее, постаралась ответить спокойно... Это ее личная жизнь; обсуждать ее, откровенничать или впускать в нее кого-то она не собиралась.

— Я же вижу, что вы не станете есть, вы и обед не съели. Скоро у вас сил ни на что не останется, а ваша нежная белая кожа потеряет свой блеск, станет тусклой и сухой, и повелитель разлюбит вас.

Вероятно, честь, которой она удостоилась, переселившись этажом выше, предполагала и прислугу рангом выше, чем та, что была внизу, — грустно усмехнулась она. Раньше она не видела ее, но единственное, о чем сейчас мечтала, — только чтобы ее оставили в покое, одну, и не дергали, хотя бы сегодня... а лучше навсегда... Навсегда... В сердце больно кольнуло... Наивная, теперь об этом можно и не мечтать: ни покоя, ни спокойствия, ни уединения... Лишившись всего, у нее оставалось хотя бы тело и надежда, а теперь не осталось ничего... Но в глубине души каждую минуту, каждую секунду ждала... верила и ждала... что Салех не бросит ее одну, что он найдет способ выволить ее из рук брата.

— Хорошо, я поем... только позже. А ты иди, — произнесла она настойчивее. Ее раздражало все. Возможно, очень скоро зайвится ее господин, будь он неладен... Эта мысль при-

водила ее в ступор, от страха дрожали руки, и похолодело в груди. Ей нужно было мысленно подготовиться к встрече, а сдаваться без боя она не собиралась.

— Я здесь приберу немного, чтобы вам приятно было коротать вечер одной, — вся комната была усеяна диванными подушками. — А то все на полу валяется, и комната смотрится совсем неуютной.

— Почему одной? — вырвалось неосознанно.

— Сайидати... Сегодня же четверг, а с четверга на пятницу повелитель ночует только со своей женой, — удивилась служанка. — Вы не знали об этом?

Нет, она не знала этого. Не знала и того, что у него есть жена. Она вообще ничего не знала. Ни о правителе. Ни о его семье. Ни о Хафраке вообще. Потому что все долгие дни своего вынужденного заточения просидела в своей комнате одна и почти ни с кем не общалась. Только с молчаливой служанкой, скорее присматривающей и наблюдавшей за ней, чем открытой к общению. И с Махой, которая ежедневно посещала ее и проводила лечебные процедуры и которая на деле оказалась — о ужас! — главной хранительницей гарема эмира, о чем она, к своему стыду, и не догадывалась. Даже о Салехе, как оказалось, девушка не знала практически ничего.

Новость о том, что ее мучитель не придет сегодня, конечно, не могла не радовать, и стресс немного отпустил ее. Слезы высохли, сразу поднялось настроение, служанка перестала раздражать, даже появился аппетит и захотелось есть.

— У повелителя есть жена?

— Да, шейха Аль-Ануд, она живет в своих покоях в другом крыле дворца.

— А в другие дни с кем он ночует?

— В его гареме живут самые красивые женщины со всего света.

— И много их? — с сожалением спросила Шакра.

— Да... очень много... — с придыханием ответила служанка.

— И он со всеми с ними спит? — возмутилась она.

— Шейх Фалах — очень горячий мужчина, — зарделась девушка, — иногда даже нескольких приглашает в свою спальню, — и стыдливо опустила глаза.

— А дети у них есть?

— У кого? У наложниц?

— Нет... у эмира и его жены.

— К сожалению, за три года жизни с ним она не принесла ему наследника... Все об этом говорят... Даже поговаривают, что, возможно, она бездетная... О Аллах, помоги им... — подняла к небу глаза словоохотливая девушка.

— А что ты скажешь о наследном принце... какой он? — При воспоминании о нем в сердце больно кольнуло... Она так скучала по нему, по его заботливым рукам... голосу, который брал за душу... нежностям, которые он шептал прямо в ухо, мягко целуя мочку...

— О-о... сайидати... принц Салех — всеобщий любимец... Хотя они внешне очень похожи со своим братом, но характеры у них совершенно разные... — Понизив голос на два тона и оглядевшись вокруг, добавила: — Шейх Фалах очень строгий, а его брат — мягкий и добрый... так все люди говорят...

Шакра была готова подписаться под каждым словом: ее любимый Салех действительно очень мягкий и добрый, а этого кровожадного эмира еще предстоит узнать, хотя и так ясно, что он не просто строгий — он зверь...

— Как тебя зовут? — Было интересно ее слушать. В последний раз Шакра так свободно и легко общалась только с Нуран, когда еще жила в Маруре... как же давно это было... как будто и не было никогда.

— Захва, — ответила просто.

— А меня Шакра, — улыбнулась девушка. — Можешь так и называть.

Ночью девушка вздрагивала от каждого шороха, боялась, что он может ввалиться, несмотря ни на что... Очень сомнительно, что этого варвара может остановить какой-то день недели, если он надумает прийти, но ее опасения оказались напрасными: ночью так никто и не побеспокоил ее.

Утром служанки принесли еды, воды, помогли умыться, переодеться в чистую джалабию, которую принесли с собой... Шакра находилась в состоянии оцепенения, как будто все происходило не с ней, и потому безропотно позволяла служанкам делать с собой все, что они считали нужным. Салеха не было со вчерашнего дня, и вестей от него тоже не было...

В обед повторилось почти то же самое. Время как будто остановилось. Все замерло. Никого... Салех так и не появился, но она не переставала его ждать. Даже кровожадный повелитель куда-то пропал, как будто в воду канул. Наверное, это был какой-то изощренный метод усмирять непокорных, известный только ему одному... и, судя по ее состоянию, ему это удалось... Бессонная ночь и неопределенность не прошли даром: нервы на пределе, голова как будто зажата в тиски, страхи и беспокойство все нарастали. Бесконечное ожидание, вздрагивания от каждого звука мучили и давили на психику. Закрытое пространство пугало и душило, как будто чья-то железная рука сдавила горло, не давая дышать... Силы были на пределе... Возможно, точно так же осужденный на смертную казнь сходит с ума в своей камере в ожидании последнего часа... Солнце клонилось к закату, теплый вечер мягко проникал в комнату, медленно погружая ее во мрак. Гнетущую тишину нарушали только ее рваное дыхание и монотонный стук сердца...

Терпеть больше не было сил... и, подскочив к двери, она стала усиленно по ней колотить:

— Откройте дверь... Немедленно откройте дверь! — громко кричала она. За дверью предсказуемо стояла тишина.

— Я требую... Сейчас же откройте дверь... Вы слышите? — снова и снова кричала она, но за дверью все еще было тихо...

— Пожалуйста... Выпустите меня отсюда! — просила она уже через некоторое время, голос стал тише, удары глуше... Внешний мир все так же оставался глух к ее мольбам о помощи.

— Умоляю... Кто-нибудь... Услышьте меня... — шептала уже осипшим голосом, глотая слезы... едва касаясь двери покрасневшими, горящими от боли кулаками... но все было напрасно, никто не отзывался извне... Никто ее не слышал, а может быть, просто не хотел. Она уже совсем отчаялась, когда в замке вдруг щелкнул ключ. От неожиданности девушка мгновенно замерла и затаила дыхание... Дверь распахнулась нараспашку. В проеме появился высокий мужчина и уверенно шагнул внутрь...

— Аюни... — голос показался знакомым. — Ты сегодня явно не в духе...

В полумраке комнаты она узнала вчерашнего «властелина мира», которого встретила в холле. На смуглом лице, сливающимся с темнотой, ярко выделялись черные блестящие глаза... Если он хотел ее удивить, то ему явно это удалось. В дверь негромко постучали, в комнату

вошла служанка с горящей лучиной в небольшом сосуде и умелыми движениями зажгла все керосиновые лампы, установленные вдоль стен на специальных подставках, и молча вышла.

Наконец при ярком свете Шадре удалось хорошенько его разглядеть. Теперь понятно, почему его лицо показалось знакомым: они действительно

очень похожи с Салехом... ну конечно... как она сразу не догадалась... это и есть легендарный эмир Хафрака — шейх Фалах. Только, в отличие от Салеха, это был не восторженный юнец, готовый на подвиги ради нее, а сформировавшийся тридцатилетний мужчина, в полной мере осознающий свою значимость и уверенный в себе. Он явно наслаждался произведенным эффектом и слишком уж откровенно разглядывал ее. Девушка не хотела провоцировать мужчину и предусмотрительно отошла подальше, вглубь комнаты.

— Шадре... Так ведь тебя зовут... Мы не успели познакомиться вчера. Ты так стремительно сбежала, что не оставила мне ни единого шанса догнать тебя, — улыбнулся он. — Можешь просто называть меня Фалах.

Злобно поджав губы, она молча ненавидела его настолько, насколько была способна ее юная душа, и если бы взглядом можно было убить, то он бы уже испустил дух. Только бы не сорваться и не расцарапать лицо... Довел ее до нервного срыва, а теперь наслаждается своей победой, дикарь...

— Что ты молчишь? Я же вижу, что ты много чего хочешь мне сказать... — усмехнулся он.

— Откуда тебе знать? — зло буркнула она.

— У тебя на лице все написано... Не бойся... Говори. — Он неторопливо приближался.

Пылая праведным гневом, она стояла в центре комнаты и, гордо подняв голову, смотрела ему прямо в лицо. Большие голубые глаза, в которых отражалось пламя от лампы, казалось, горели огнем ненависти, направленным к нему. Пухлые чувственные губы, созданные для страстных поцелуев, были нервно поджаты. Русые волосы собраны в большой пучок сзади и немного растрепаны. Красная шелковая джалабия с золотыми вставками смотрелась роскошно, подчеркивала небольшую точеную грудь, мягко струилась по стройному телу, оставляя простор для фантазии и придавая свежести ее бледной коже. Девушка выглядела как фурия, готовая защищаться любыми средствами, и была чертовски сексуальна... а шкура тигра, на которой она стояла, делала ее похожей на мифический образ девы-воительницы и дополняла всю картину.

Никогда не позволяющий никому даже намека на неподчинение, в глубине души Фалах всегда любил дерзких, своенравных женщин, умеющих дать отпор. Это возбуждало его, будило в нем первобытные мужские инстинкты, подогревало желание покорить ее, подчинить своей воле... Вот и сейчас, провоцируя и наблюдая за ней, он ощущал, сколько необузданной, дикой страсти скрывается в этом хрупком, стройном теле под маской высокомерия и недоступности, и отчетливо почувствовал, как его мужское начало мгновенно реагирует на нее, вызывая в нем самые откровенные, безумные желания. Ему стоило огромных усилий держать себя в руках, чтобы не сорвать с нее одежду и не взять ее грубо, жестко, прямо тут же, на тигровой шкуре, на полу... Он едва заметно улыбнулся своим мыслям.

— Почему ты запер меня здесь? Чего тебе нужно? — ее голос дрожал от напряжения.

— Тебя, — невозмутимо ответил он, как будто покупал в мясной лавке кусок говядины.

— Что значит «тебя»? Ты считаешь, что можешь присвоить все, что захочешь?

— До сегодняшнего дня у меня не было повода усомниться в этом.

— Но я не вещь, чтобы меня присваивали, и не твоя собственность... Отпусти меня... Дай мне уйти! — потребовала она, хотя знала, что рисковала, позволяя себе говорить с ним в таком тоне и тем более требуя чего-то.

— Этого я тебе не обещаю, — ответил спокойно. — Привык получать то, что хочу.

— А желания других тебя, конечно, мало волнуют. Зачем? Если непокорных можно ломать и насиловать... Тебе, наверное, доставляет удовольствие причинять боль... — шла по острию ножа, но терять все равно было нечего.

— Запомни: я не беру силой то, что и так принадлежит мне. Ты сама все отдашь...

— И не надейся... Ничего ты от меня не получишь. Я не игрушка для твоих плотских утех.

— Неважно... Ты уже моя, и чем быстрее ты поймешь это и смиришься с этим, тем легче тебе будет жить.

— Ну уж нет... И не рассчитывай, что я буду безропотно тебе подчиняться...

— У тебя нет выхода, — улыбнулся он, подойдя к ней... и тут же взял ее за руку. От резкой боли она вздрогнула, раздался глухой стон... Он осторожно осмотрел ее ладонь (она заметно покраснела и слегка припухла от ударов в дверь), девушка попыталась сжать ее в кулак и выдернуть, но он не дал ей это сделать... и, не сводя с нее цепких глаз, медленно поднес ее ладонь к губам.

— Выход есть всегда, — отпарировала она, гордо подняв голову.

— Но не в твоём случае... Ты в моих руках, а я не говорил, что собираюсь отпустить тебя.

— Упиваешься своей властью и вседозволенностью?

— Не без этого... — его самодовольная улыбка раздражала, вызывая непреодолимое желание стереть ее с его ненавистного лица.

— Сволочь... ненавижу тебя и всегда буду ненавидеть! — прошипела негромко. Мужчина только хмыкнул, продолжая сверлить ее взглядом. — Тебе не завладеть моей душой.

— Плевать... Я не дьявол, не коллекционирую людские души...

— А чего тебе нужно?

— Всего лишь тело... Твое соблазнительное, сексуальное тело.

— У тебя уже есть целая коллекция роскошных тел. Зачем тебе я?

— Ты будешь главным бриллиантом в моей коллекции. — Резко развернув, он прижал ее спиной к себе и стал жадно целовать шею, больно сжав ее грудь.

— Ты будешь разочарован... Немного удовольствия от тела, которое не отзовется на твою похоть.

— Уверена?

— Вполне. Я не доставлю тебе этой радости, — зло прошипела она, пытаясь вырваться.

— Мне? Хм... — хмыкнул он, улыбаясь. — Мы с тобой будем вместе утопать в похоти, удовлетворяя самые извращенные фантазии друг друга. — Его рука плавно переместилась на живот и спустилась ниже. — И можешь мне поверить, тебе понравится... Ты даже будешь просить меня еще и еще... — шептал ей в ухо и сквозь шелк платья, накрыв ее промежность, крепко зажал ее, заставив девушку взвизгнуть...

— Дикарь... Варвар... Зверь... — она стала яростно отбиваться.

— Можешь не продолжать... Не утруждай себя, — прошептал он, целуя в ухо, и рукой накрыл ей рот, заставив замолчать. — Аюни... Я гораздо хуже, чем ты думаешь, но от этого не становлюсь менее привлекательным для женщин. Поверь мне, и ты меня полюбишь, когда придет твое время. — И, напоследок еще раз поцеловав ее в шею, нехотя убрал от нее свои руки и, глубоко вздохнув, добавил: — Все у нас с тобой будет, но не сегодня... Позже... Не будем торопить события и нарушать традиции.

— И не надейся... Сволочь...

— Девичьи уста созданы Всевышним для страстных поцелуев и чувственных ласк, — ответил он вполне спокойно. — А не для того, чтобы произносить такие грубые ругательства...

— А мне все равно, нравится тебе это или нет. Я к тебе не навязывалась.

— Ты женщина, и это тебя совсем не красит.

— Решил почитать нравоучения? Только зря стараешься, тебе меня не приручить.

— Нет... Только предупредить, что привык к беспрекословному подчинению, а за любое непослушание буду строго наказывать. Надеюсь, я понятно выражаюсь? — И, оставив в одиночестве девушку с упрямо поджатыми губами и сверкающими гневом глазами, удовлетворенно кивнув, мужчина вышел из комнаты.

Глава 3

На следующий день в комнате Шакры с самого утра началось оживление. Стоило только умыться и позавтракать, как ее посетила Маха со швеей и ее помощницами. С девушки сняли мерки, и началось долгое и нудное обсуждение гардероба для новой пассии правителя, который предстояло пошить в самые кратчайшие сроки. Обсуждали модели платьев, цвета, выбор тканей, аксессуаров. Специально приглашенный придворный ювелир предложил богатый выбор эскизов, по которым девушка могла заказать для себя ювелирные изделия, и помог ей определиться с выбором. Все были возбуждены до предела в ожидании чего-то нового; в воздухе витала атмосфера праздника... Сегодня эмир Хафрака собирался навестить свою новую фаворитку и провести с ней первую ночь. Тем более что так совпало (а может быть, вовсе и не совпало, а было специально выбрано), что по исламскому календарю этот день был одним из самых благоприятных дней в году для заключения союзов между мужчиной и женщиной... Браки, скрепленные в этот день, считались самыми крепкими и счастливыми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.